

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

Валерий ЧЕСНОК

ВЕТВЬ

СВЯЩЕННОЙ

ОЛИВЫ

*Боги и герои
античных стадионов
на территории России*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2012

IV. Современники об Олимпийских играх.....	3
V. Античный мир России.....	21
VI. Праздник реки Танаис.....	66
Эпилог.....	89

IV. СОВРЕМЕННОКИ ОБ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

ГОМЕР

*И море, и Гомер –
всё движется с любовью...*

О. Мандельштам

Если бы археология не открыла огромный мир древней дописьменной культуры, то историю человечества смело можно было бы начинать так: *«Вначале был Гомер с поэмами «Илиада» и «Одиссея».*

Сегодня произведения Гомера в основном можно увидеть на полках академических научных изданий и трудно представить масштабы его влияния на мировую литературу, а ведь в древности его поэмы заучивали наизусть, находя в них отклик на все жизненные волнения, они – истоки фольклорных рек, текущих в культурных слоях разных народов.

*Муза, скажи мне о том
многоопытном муже, который,
Странствуя долго...
Многих людей города посетил
и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях...*

Сколько глаз пробежало по этим строкам за те три тысячелетия, когда впервые они были записаны на листах папируса! В скольких произведениях отразилось эхо гомеровских образов!

«Веленью Божию, о муза будь послушна!...» – ведь это Гомер и Пушкин ведут диалог, понимая друг друга, как если бы их разделило расстояние взгляда или голоса.

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...*

Более тысячи лет «Илиада» и «Одиссея» были библией Европы. И, наверное, только то, что они отождествлялись с авторством смертного человека, помешало им стать Библией нового времени.

Агонистические состязания в поэмах естественно вписываются в повседневную жизнь эпохи и не являются ничем исключительным: Ахилл устраивает игры в память погибшего друга, царевна Навсикая играет в мяч с подружками на берегу моря. В обеих поэмах состязания – в чередке основных событий: в «Одиссее» это песнь восьмая, в «Илиаде» – песнь двадцать третья. Ахилл

*...народ удержал и,
в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам:
светлые блюда, треноги;
Месков представил и быстрых коней
и волов крепкотелых,
И красноопоясанных жён, и седое железо...*

Так начинаются игры в «Илиаде».

В «Одиссее» царь веслолюбивых феаков Алкиной приглашает гостей силу свою показать *«в кулачном бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном»*...

Через состязания герои вопрошают и испытывают судьбу или бросают ей вызов, спорят с богами, утверждают право на гостеприимство и достойное к себе отношение, чтят память...

После богов Аполлона и Гермеса и полубога Геракла Одиссей – один из первых олимпийцев – среди рождённых земными родителями.

На состязаниях под Троей он борется с Аяксом, сыном саламинского царя Теламона.

«Оба алкали они и победы и славной награды», но оказались равны в силе, оба рухнули на землю, павши один близ другого...

Ахилл удерживает их от продолжения борьбы:

...кончите вашу борьбу

и трудом не томитесь жестоким.

Ваша победа равна; и награды вам равные....

Но в состязаниях по бегу Одиссей не без помощи Афины побеждает другого Аякса – сына лакридского царя Оилея. Аякс гораздо моложе Одиссея, но *«зелена Одиссеева старость... трудно в беге с ним спорить, кроме Ахилла»*...

В образе Одиссея воплотился непостижимый греческий агональный дух, обострённый интерес к жизни во всех её проявлениях – от самых прозаических вещей до размышлений о путях

звёзд, от рискованных путешествий до жажды победы на стадионах любой ценой...

Он мог бы избежать встречи с циклопом Полифемом, но что это за чудовище, что *«хлеба не ест»?!*

Одиссей плывёт мимо острова Сирен, осознавая опасность, слышит их коварное пенье; он мог бы остаться в сказочной стране феаков, что превосходят других людей *«в плаванье по морю, в беге проворном, в пляске и в пенье...»*.

Он рискует быть превращённым в животное волшебницей Киркой, но идёт к ней... Избежав чародейства, выпивает полной чашей и любовь богини, и тоску по родине...

Он отправляется в область Лида, где *«никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос»*, где всё ужасает живущего...

Всё это – тот самый агональный дух, что уравнивает атлета в палестре и философа на диспуте. Более того, они часто менялись ролями, потому что в интеллектуальных играх и состязаниях атлетов единая, если можно так сказать, методическая основа – непредсказуемость...

И как бы ни казались наивно-поэтическими образы мифологических существ, с которыми состязается Одиссей (циклопы, сирены, Скилла и Харибда), или образы единства мира (огонь у Гераклита, вода Фалеса, божественный апейрон Анаксимандра), во всём этом – удивление ребёнка, догадывающегося, что мир материален, создан для него и познаваем лишь в

игровом пространстве и времени, в формах, общих для всех времён и народов, – путешествиях и состязаниях.

Все виды состязаний в поэмах Гомера – классика исторических греческих Игр: Олимпийских, Панафинейских, Истмийских...

Они описаны и общим планом, и укрупнёнными деталями с такой подробностью, что, не зная даты рождения состязаний, можно с уверенностью утверждать, что ко времени Гомера – а это VIII век до н. э. – эти традиции состязательной культуры просуществовали уже несколько веков. В поэмах впервые в мировой культуре дана энциклопедия спорта, описаны различные виды состязаний.

И ведь как описаны!.. – откройте Гомера. В новое время забытые на полтора тысячелетия состязания войдут в новейшую историю так, будто ждали за порогом цивилизации, когда же человечество очнётся.

АРХИЛОХ

Поэт, которого в древности считали равным Гомеру, – Архилох.

Период времени жизни поэта примерно определили годами, близкими к солнечному затмению 648 года до н. э., – о нём Архилох упоминает в одном стихотворении.

Им создано множество произведений, от которых сохранились лишь отрывки, но и по фрагментам можно очертить эскиз судьбы, таланта и оптимизма поэта.

*В меру радуйся ты счастью,
слишком в бедах не горюй!
Познавай, какой кипучий
всех людей поток несёт...*

Песня, много веков использовавшаяся на Олимпийских играх, так и называлась – Архилохова песнь. Это был гимн в честь Геракла со звукоподражательным припевом: «тенелла, тенелла, тенелла, слава победителю...».

Зачин победных гимнов позднейших поэтов (Пиндара, Вакхилида и других) начинался иногда со слов «Архилохова песнь»:

*Архилохова песнь,
Звучащая в Олимпии,
Победная хвала,
Тройственная и ликующая...*

ПИНДАР

Но, пожалуй, самым восторженным певцом греческих состязаний, где бы они ни проходили – в Олимпии, Афинах, Истме, Аргосе, – был Пиндар (518 – 438 годы до н. э.).

*Мать состязаний, венчанных золотом,
Ты, Олимпия,
Владычица правды,
Где вещатели над сжигаемыми жертвами
Пытают молниеносного Зевса,
Не молвит ли о мужах,
вожделяющих сердцами
Причаститься доблести и отдыху от трудов,*

*И благодные их молитвы
Милостиво сбываются...*

У поэта упоминается около 30 состязаний в разных районах Греции. И, конечно же, олимпийские эпиникии – хоровые победные песни, восхваляющие победителя, – были главной темой поэзии Пиндара. Они исполнялись на родине олимпионика по возвращении его домой.

Эпиникий сформировался из более древних лирических жанров – гимнов в честь богов (они известны лишь по отрывкам), но отличается от них тем, что это был гимн в честь конкретного человека, с именем и родословной, возвращающегося с победой.

Поражает стремительность, с какой одним поколением поэтов был создан новый лирический жанр: Симонид Кеосский, Пиндар и Вакхилид – классики этого вида древнегреческой хоровой лирики. В подобной форме отливали свои произведения и многие поэты последующих тысячелетий.

Написанная к 1-й Олимпиаде нового времени «Ода спорту» Пьера де Кубертена композиционно выстроена также в жанре эпиникия.

В биографии Пиндара, составленной ещё его современниками, есть сюжет: в детстве он уснул у подножия Геликона – горы, где пребывают музы, и пока он спал, к устам его прилетели пчёлы и принесли мед, поэтому он и стал лириком. Сказочно, но красиво.

Время сохранило 45 эпиникиев поэта (самый ранний – 498 год до н. э., самый поздний – 446

год до н. э.), собранных в четыре книги по местам одержанных побед: Олимпийские, Пифийские, Немейские, Истмийские игры.

У поэта не встретить технических или организационных деталей Игр, и лишь в одной из песен он приводит канонический перечень видов состязаний в Олимпии. Главная его тема – личность победителя.

Композиция песен Пиндара сложна, витиевата, метафорична – плетением мифологических мотивов он владел блестяще. Песня включала в себя хвалу месту победных Игр, роду и родине победителя, его тренеру. Обязательный элемент – обращение к богу, чтобы не оставил своей милостью победителя.

Конечно, в хоровом исполнении, с танцами при всеобщем торжестве, когда все участники с лёгкостью узнавали сюжеты мифов, это не воспринималось как избыточная поэтическая орнаментация. Хотя старшая современница поэта Коринна выговаривала ему: *«Сей, Пиндар, не мешком, а горстью...»*.

Доставалось поэту от собратьев по перу и через много столетий.

Сегодня творчество поэта, жившего 2500 лет назад, покажется странным и не совсем понятным, а повод для расцвеченной эпитетами песни – победа в кулачном бою или в колесничном беге – ничтожным. Но всё дело в том, что состязания на стадионе были не зрелищем, как в наше время, а проявлением – не больше и не

меньше чем – божественной благосклонности и внимания.

«К чудной славе толкает олимпионика божья ладонь» – слагает строки Пиндар. Причём рекордов не ставили, не они были нужны – была важна победа, и прославлялся, соответственно, сам олимпионик, его род, город, где он жил, и победу его помнили спустя столетия.

Именно столетия.

Вот фрагмент из Олимпийской песни Ксенофону Коринфскому за победу в беге и в пятиборье:

*Трижды победный,
олимпийскими победами прославляя дом,
Любимый меж граждан,
пособный меж странников,
Я поведаю о доблестном Коринфе,
пышущем юностью...*

И ещё одна особенность – они были молитвой, отзвуком древнего молитвенного обращения к богам. *«Тебе молюсь, дочь Зевса Избавителя, хранящая Удачу...»*; *«Услышь мою мольбу, богиня блеска...»*; *«Радуйся, владыка! Молюсь тебе песней!»* – обычные вступления в честь атлетов – любимцев богов.

Пиндар знал себе цену, утверждая, что победа должна найти своего певца: ведь торжество победы мгновенно, а слово и музыка делают её бессмертной.

«Счастье былого – сон: люди беспамятны ко всему, что не вложено в струи славословий...» – строки поэта из Истмийской оды.

Пиндар во многом был первым: *«Муза, будь мне послушна, помоги приискать слова похвалы...»* – в скольких произведениях поэтов последующих поколений повторились эти строки!

А сколько пронзительных, глубоких мыслей и переживаний у поэта: *«Не пытай бессмертия, милая душа, обопри на себя лишь посильное...»*. Поэт оказался прав: образная система бытия – слово.

Произведения Пиндара хорошо знали в России, хотя отношение к нему было слегка ироничным. Например, стихотворение Василия Андреевича Жуковского «Плач о Пиндаре» – образец литературной сатиры, направленной против тогдашних графоманов А. Шишкова и Д. Хвостова. В параллель им Жуковский выводит «песнопевца» Пиндара,

*...который в славны древни годы
Певал на скачки греков оды,
Язычник, не католик был;
Что одами его пленялся,
Не понимая их, весь свет,
Что более трёх тысяч лет,
Как он во младости скончался....*

Ему вторит Александр Пушкин:

*Примите новую тетрадь
Вы, юноши, и вы, девицы;
Не веселее ль вам читать
Игривой музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы...*

Ещё одно имя – Вакхилид, древнегреческий поэт, современник Пиндара. Их сопоставляли: Вакхилид – аккуратный талант, Пиндар – беспорядочный гений. Когда Гиерон Сиракузский, царь Сицилии, покровитель искусств и спортивных состязаний, неоднократный победитель в колесничном беге на Играх в Олимпии, одержал свою последнюю олимпийскую победу, оду о ней он заказал не Пиндару, а Вакхилиду. Он знал, чего можно ждать от Вакхилида, Пиндар же был непредсказуем.

Конечно, не так всё было гладко и для Вакхилида, внешне благополучно жившего при дворе сицилийского мецената. В сохранившихся отрывках можно и сегодня почувствовать драматизм обстоятельств и невысказанность по этому слова...

*Раз навсегда скажу: даже и твёрдый дух
Клонится в людях пред силою корысти.
Один у другого учится –
Как прежде, так и поднесь:
Нелёгко путь
К никем ещё не сказанному слову.*

В течение многих веков Вакхилида знали только по сохранившимся фрагментам из произведений, пока в 1896 году в Египте не было найдено два больших свитка I – II веков н. э. с его песнями и дифирамбами. Оды в честь победителей состязаний обычно состоят из трёх частей: похвала городу и победителю, мифоло-

гический сюжет, в котором олимпиец сравнивается с мифическим героем, и поучение.

Вот фрагмент из песни, посвященной Гиерону Сиракузскому:

*Владычицу благоплодной Сицилии,
Деметру и Кору в синем венке
Воспой, Клио,
Дарительница сладких даров,
И воспой стремящихся гиероновых коней
В олимпийском беге,
Где гордая победа и блещущая Харита
Ринули их над ширью пенного Алфея,
Или стяжав блаженные венки...*

И далее – около сотни строк, насыщенных метафорами, изысканными, возвышенными образами. Поэты писали о спортивных достижениях так, как позднее будут писать о любви.

ПЛАТОН

Бесспорность, божественность идеи олимпизма для современников Олимпийских игр была очевидной. Но для нас важно понять, что суть её была глубже, чем просто совершенствование тела... И эта мысль особенно явственно прописана во всех жанрах искусства – в скульптуре, в живописи, в поэзии, в философии.

В философии Платона тело человека – это отражение Вселенной, микрокосмос, движения которого соответствуют системе вселенского движения. Гармония души и тела определяет равновесие Вселенной человека.

И когда «стоит вопрос о здоровье и болезни, о добродетели и пороке, нет ничего важнее, нежели соразмерность или несоразмерность между душой и телом как таковыми...».

И когда «порывы более сильной стороны побеждают и умножают собственную силу, а душу между тем делают тупой, непонятливой и забывчивой, навлекая на человека невежество, этот злейший из всех недугов.

От того и другого есть лишь одно спасение – не возбуждать ни души в ущерб телу, ни тела в ущерб душе, но давать обеим сторонам состязаться между собой, дабы они пребывали в равновесии и здравии.

Скажем, тот, кто занимается математикой или другим делом, требующим сильного напряжения мысли, должен давать и телу необходимое упражнение, прибегая к гимнастике; напротив, тому, кто преимущественно трудится над развитием своего тела, следует в свой черёд упражнять душу, занимаясь музыкой и всем тем, что относится к философии, если только он хочет по праву именоваться не только прекрасным, но и добрым.

Сообразно с этим должно заботиться и об отдельных частях (тела), подражая примеру Вселенной».

ЛУКИАН

II век нашей эры...

Блестящий древнегреческий сатирик Лукиан много путешествует, критикует своё время,

нравы, суеверия, философов, обличает все религии, пародирует мифы о богах, сочиняет фантастические романы о полётах на Луну...

Сохранилось около 80 его сочинений, в их числе – «Анахарсис, или Об упражнении тела».

Лукиан воспользовался образами двух мудрецов, принадлежавших разным культурам, чтобы в излюбленной форме повествования – диалоге – соединить противоречивые оценки роли и значения Игр.

Герой его диалога Анахарсис – мудрый скиф, выходец из причерноморских степей. Историки спорят, реальная или легендарная он личность.

Геродот в своей «Истории» упоминает о нём неоднократно, и по характеристике, данной ему историком, чувствуется, что это имя читателям хорошо известно и почитаемо: Анахарсис много путешествовал, многому научил греков и многому научился от них сам.

О втором герое диалога – Солоне – знает по учебникам истории Древнего мира любой школьник – поэт, политик, живший в VII веке до н. э. Солон – решительными реформами в области земельных отношений, торговли, армии – спас афинское государство и, по преданию, слыл одним из семи мудрецов древности.

Приведём небольшой отрывок из этого литературного памятника.

АНАХАРСИС: Скажи мне, Солон, для чего у вас юноши проделывают всё это? Одни из них, перевившись руками, подставляют друг другу ножку, другие давят и вертят своих товарищей,

валяются вместе в грязи, барахтаясь в ней, как свиньи. А между тем сначала... они жирно намазались маслом и совсем мирно по очереди натирали друг друга. Потом неизвестно что случилось, они стали толкаться и, наклонившись, начали сшибаться между собой головами, как бараны.

И вот один из них, схватив другого за ноги, бросает его на землю, затем, наседавая на него, не позволяет поднять голову, толкая его обратно в грязь. Наконец, обвив ногами живот и подложив локоть под горло, душит несчастного, а тот ударяет его в плечо, умоляя, как мне кажется, чтобы первый не задушил его насмерть. Хотя бы из-за масла избегали они пачкаться – нет, они вымазались так, что масла от грязи совсем не стало видно, все покрылись потом и представляют собой смехотворное зрелище, выскользывая друг у друга из рук, подобно угрям.

Другие же делают то же самое во дворе на чистом воздухе, только уже не в грязи, но, набросав в яму много песка, сами охотно посыпают себя им... Третьи, тоже обсыпанные песком, стоят на ногах, бьют друг друга и, падая, лягают ногами. Вот этот несчастный сейчас, кажется, выплюнет свои зубы – так его рот полон крови и песку: его, как видишь, ударили кулаком в подбородок.

Надзиратель и не думает разнять юношей и прекратить борьбу... Наоборот, он подзадоривает дерущихся и хвалит ударившего. Другие

же усердствуют вон там и прыгают, точно на бегу, оставаясь при этом на том же месте, и, подскакивая, ударяют ногами в воздухе.

И вот мне бы хотелось знать, чего ради они так поступают; по-моему, всё это похоже на безумие, и нелегко будет разубедить меня, что люди, поступающие так, не сумасшедшие.

СОЛОН: Это место, Анахарсис, мы называем гимнасием... Что же касается упражнений, то эта возня в грязи называется борьбой; борются также и в песке. Когда же юноши бьют друг друга, стоя на ногах, мы зовем это всеборьем – панкратионом. Есть у нас и другие гимнасии – для кулачного боя, и метания диска, и для прыганья, и в них во всех мы устраиваем состязания; а победивший признаётся нами лучшим из сверстников и получает награду...

Скифу Анахарсису, собирающемуся объехать всю Элладу и ознакомиться с образом жизни греков, очень трудно понять роль спорта в воспитании молодёжи, подготовке её к военным походам. Различные аргументы использует Солон для объяснения роли спорта в воспитании молодёжи:

«Ты понимаешь, насколько хороши с оружием будут те, кто и нагой внушил бы ужас противнику, не обнаруживая ни дряблой белизны и тучности, ни бледности и худобы, как женские тела, вянущие в тени и поэтому дрожащие, обливающиеся потом и задыхающиеся... Наши же юноши румяны и смуглы от горячего солнца,

сильны и полны жара и мужества благодаря тому, что наслаждаются отменным здоровьем, они не худы до сухости и не тучны до полноты, но сложены вполне соразмерно. Ненужное и лишнее выходит из их тела вместе с потом...

Не смейся над спартанцами и не думай, что они трудятся понапрасну, когда бросаются друг на друга из-за мяча и ожесточённо дерутся, или, уйдя в место, огороженное рвом с водой, разделяются на отряды и, обнажённые, нападают друг на друга, пока наконец один отряд не прогонит другой... и не столкнёт его в воду. А после этого наступает мир и никто не дерётся»...

В 392 году н. э. эдиктом – особо важным указом императора Феодосия – Игры в Олимпии были запрещены.

Почти тысячелетняя история одного из самых удивительных социальных феноменов завершилась под натиском новой религии, завоевавшей свои позиции во всех сферах государственной, политической и частной жизни.

Молодая религия утверждалась с категоричностью конкистадора: всё старое должно быть распахано до основания...

Но зло шло не от учения – от его интерпретаторов.

Храм язычества разрушался, но новое здание создавалось из обломков старого – другого материала просто не было.

В новозаветных посланиях Павла, одного из самых деятельных апостолов, темы античных языческих состязаний используются в переносном смысле, как примеры христианского подвижничества, несмотря на то, что какая параллель и *«какое согласие может быть между Божьим храмом и идолами»* (Второе послание к Коринфянам, 6: 14, 16).

Но, тем не менее, *«бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить...»* (Первое послание к Коринфянам, 9:24).

И, конечно же, победителя ждёт награда: на стадионе *«венки тленные», «а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух...»*

И тут же – антиолимпийский вывод: *«но усмиряю и порабощаю тело моё, ибо телесное упражнение мало полезно»*.

На смену Олимпиадам вскоре явились совершенно иные формы соревнований – рыцарские турниры, которые по содержанию, конечно же, были несопоставимы с романтическим идеализмом древних Олимпиад. Но всё же и здесь сквозь пласты ненависти к инаковерным постепенно пробивались ростки оптимистической веры в прекрасного человека, рыцаря чести, духа и плоти.

V. АНТИЧНЫЙ МИР РОССИИ

Определения «античность» (с латинского – «древний») во времена Древней Греции и Рима, конечно же, не знали: даты, периодизацию, определения прошлому дают потомки. Оно вошло в обиход в эпоху Возрождения в Италии, когда полузабытая на тысячу лет культура оказалась востребованной Европой – как альтернатива монополии христианства, как выход из идеологического и духовного кризиса.

По большому счёту, мир в эпоху античности развивался в более просторном, говоря современным языком, экономическом и культурном пространстве, нежели народы средневековой Европы, выстроившие между собой частокоры идейных ограничений, милитаризовав до предела и абсурда систему политических отношений.

Античный мир России – окраинная часть этого пространства, но столь же яркая и загадочная, как и эпицентр – Средиземноморье.

И в России античность, как и в Западной Европе, воспринималась в прямой территориальной и лингвистической преемственности, хотя греческие и римские её слагаемые в разные эпохи истории страны воспринимались по-разному...

Одиссей возвращал память умершим у ямы с кровью жертвенного животного. Так и Европа – и Западная, и Восточная – у руин древних городов и над извлечёнными из архивов рукописями – восстанавливала память о времени Гомера, Геродота, Софокла, Перикла, Овидия...

О времени, сформулировавшем своё кредо: человек – мера вещей!

Античностью принято называть эпоху в истории, длившуюся более тысячи лет – с VIII века до н. э. по V век н. э. В ней различают три периода: классической Греции и эллинизма (Древняя Греция) и Римской империи. По территории и пестроте наций и племён история человечества не знала более таких грандиозных объединений: от Шотландии до Северной Африки, от Гибралтара до Персидского залива, от реки Танаиса до Нила.

Одно из самых своеобразных государств древности возникло в VI веке до н. э. как объединение самостоятельных греческих городов-полисов на побережье Таманского полуострова, Восточного Крыма и низовьев Дона.

Центром объединения стал город Пантикапей (нынешняя Керчь), расположенный на берегах удобной бухты у Керченского пролива, именовавшегося в то время Боспором Киммерийским (предположительно название столицы Пантикапей – производное от скифских слов, означавших «рыбный путь»).

Процесс образования Боспорского государства, первого государства на территории России, происходил мирно, так как целью объединения была стабильность торговых связей между народами Причерноморья – Приазовья и городами метрополии – Балканского полуострова, островной Греции, побережья Малой Азии.

В ранний период степной этнос – это скифы. Геродот, называя скифами народы всего Северного Причерноморья, выделяет отдельные племена или по их роду занятий: скифы-пахари, скифы-кочевники, скифы-земледельцы, или по племенным союзам: царские скифы, каллипиды, алазоны...

Одни сеют и питаются хлебом, луком и чесноком, чечевицей и просом, другие – сеют зерно на продажу, есть такие, которые ничего не сеют и не пашут, есть живущие охотой...

«За рекой Танаисом – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам...»

Из Причерноморья вывозили хлеб, рыбу, кожи, меха, шерсть, а ввозили ткани, вино, оливковое масло, керамическую и стеклянную посуду, предметы роскоши.

Новые поселения греки называли апойкией, от слова апойко – «выселяюсь». Римляне – колонией, от латинского «коло» – «живу, населяю, обрабатываю». Город, откуда отправлялись на новые земли поселенцы, назывался метрополией, от греческого «мать-город».

Обжившись, переселенцы двигались на новые места – так возникли города Горгиппия, Танаис и поселения по побережью, называвшиеся хорой, то есть сельской округой городов.

Вначале это эмпории – пункты торгового обмена, затем они становились городами, моделируя в своей структуре эллинистические полисы.

Количество поселений исчисляется сотнями. Они многообразны по планировке, занимаемой площади, типам укреплений: это и небольшие усадьбы, напоминающие позднейшие донские хутора, окружённые распаханными землями, и укреплённые деревни, окружённые валами, и временные стоянки, заселявшиеся на время ловли рыбы или перегона скота на новые пастбища.

Меотида, Таманский полуостров, в те времена представлявший просто множество островов, разделённых морем, лиманами и рукавами Гипаниса-Кубани – в течение буквально одного столетия – стали окраинами античной Ойкумены.

Море и побережье напоминали грекам родные места, казалось, они были продолжением родины. Только масштабы, конечно же, несравнимы. Греция – материковая и островная – огромная Ойкумена, обжитые людьми и богами земли и моря. Острова и горы передавали путешественника и корабль друг другу, как эстафету на состязании: едва исчезали на горизонте одни, как тотчас впереди появлялись другие.

Греки принесли на побережье высокую культуру земледелия и ремесла. В условиях степных чернозёмов урожаи были очень высокими, и Боспор в короткое время стал важнейшим поставщиком хлеба на средиземноморские рынки.

В городах Греции ставили почётные декреты – мраморные стелы с текстами и бронзовые статуи в честь боспорских правителей за предоставление городам благоприятных условий в снабжении хлебом.

В городах организовывались керамические производства, выпускались амфоры, столовая посуда, художественные изделия.

Очень характерны так называемые боспорские акварельные пелики: узкое горло с широким раструбом, бочковидное тулово на широком, низком доннышке. Это тип парадных, торжественных сосудов, они покрывались многофигурными росписями и орнаментом.

В темах росписей преобладали сюжеты из местных легенд – например, сцены поединков амазонок с грифонами. Изображались атлеты в гиматиях и гирляндах. Изготавливались многочисленные терракотовые статуэтки – изображения богов, женщин, мужчин и детей.

У каждого города было своё божество, защищавшее его, покровительствовавшее гражданам, где бы они ни находились. Выбор покровителей определялся чаще всего главным божеством метрополии, откуда прибыли переселенцы. И на новом месте они оборудовали святилища и домашние алтари так, как будто божество «переезжало» на кораблях вместе с ними.

Но что для богов, живущих вне времени, любые пространства!

Они незримо обустроивали быт переселенцев, улаживали взаимоотношения с окрестными племенами, помогали строить корабли, заботились о хорошем урожае. И в благодарность люди возводили для них храмы: ведь боги, так же как и люди, нуждаются в отдыхе и в любви.

Города основывались чаще всего в границах поселений местных племён – скифов, сарматов, меотов, синдов, втягивавшихся в орбиту греческой торговли, культуры, обычаев, религии, но не терявших и своих традиций, подпитывавшихся близостью степных просторов и именовавшихся обобщающим термином – варвары.

Даже на начальном этапе формирования Боспорского государства – первого на территории нашей страны – народы степей так переплелись родством, культурой, обычаями и богами с греками, что его

вполне можно называть греко-варварским государством.

Так формировался изменчивый этнос, в котором ещё далеко не до конца разобрались археологи и этнографы. Но одно несомненно – его решающее влияние на последующие судьбы народов Восточной Европы.

Состязательные игры, конечно же, проходили во всех городах Причерноморья-Приазовья. Игры в Горгиппии, десятки имен гимнасиархов в надписях Танаиса и Гермонассы, здание гимнасия в Фанагории, находки стригилей, храмы и святилища богов, культовые ритуалы которых были связаны не только с жертвоприношениями и торжественными процессиями, но и с состязаниями – атлетическими, музыкальными, конными скачками...

Аналогичные горгиппийскому каталоги найдены в Херсонесе и Ольвии.

На надгробии херсонесита – атлета Феофанта (конец IV века до н. э.) изображены четыре тени, стригиль, сосуд с маслом для натирания во время упражнений и сетка. Тени – свидетельство четырёх побед атлета, одержанных на херсонесских или на общегреческих Играх.

Сохранилась трогательная стихотворная эпитафия на боспорской мраморной стеле:

Фарнак, сын Фарнака, прощай.

Взгляни, странник, на памятник Фарнака,

которого сломил тяжкий Аид,

уловив в свои сети несчастного юношу,

по профессии учителя гимнастики,

возрастом молодого...

*Урну его скрывает Боспорская земля,
и на глазах у всех гимнасий*

оплакивает его немymi слезами...

На стелах часты изображения мужчин в сопровождении слуг. Мужчина стоит, одной рукой придерживая плащ, в другой – свиток. У слуг одни и те же предметы: стригиль в руке и полотенце через плечо.

Известны факты участия боспорских граждан в разнообразных праздниках Греции. Феоры – священные греческие послы – посещали боспорские города с приглашением на праздники в качестве гостей и участников.

В столице государства Пантикапее из олимпийских богов особо почитался Аполлон. Ему был посвящён главный храм города, сооружённый в V веке до н. э. Изображение Аполлона чеканилось на серебряных и медных монетах столицы. Аполлон покровительствовал морякам: в минуты опасности бог превращался в дельфина и плыл впереди корабля, указывая безопасный путь... Терракотовые алтарики с его изображением находились в домах пантикапейцев, профессии которых были связаны с морем.

АПОЛЛОН

Бог света и солнца, предводитель муз. При всём многообразии его обязанностей – агонистика среди них – одна из основных. Феб сияющий – одно из прозвищ бога. Аполлон победил на Олимпийских играх в беге Гермеса, а бога войны Ареса одолел в кулачном бою. В

честь победы Аполлона во время состязаний в пентатле (пятиборье) музыканты играли на пифийских флейтах, *«так как флейта, - объясняет Павсаний, - посвящена Аполлону, а сам Аполлон был победителем в Олимпийских играх»*.

В некоторых районах Греции Аполлон покровительствовал отдельным видам состязаний, а в Дельфах он считался богом всякой агонистической победы. Здесь каждые четыре года устраивались Пифийские игры, где состязались не только атлеты, но и музыканты, поэты. По значению эти игры уступали только Олимпийским.

Культ Аполлона был широко распространён в Северном Причерноморье от Ольвии до Танаиса: святилища; храмы; изображения в мраморе, в бронзе и в керамике; чеканка серебряных драхм с его профилем или лавровым венком и монет в форме дельфинов; золотые венки со стилизованными листьями лавра...

В Ольвии он был верховным покровителем города – ему посвящены два больших храма – Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния. Отзываясь на молитвы моряков, терпящих бедствие, бог превращался в дельфина и прокладывал впереди корабля безопасный путь.

Объяснение не только в том, что колонисты перевозили с собой и весь олимпийский пантеон, – это и воспоминание о том, что под другими именами солнечный бог когда-то уже обитал на этих землях: северо-восточный исток пути Аполлона в Грецию несомненен.

И уже в Греции, возможно, в гомеровский период (VIII век до н.э.) Аполлон надел лавровый венок. Он – вместе с лирой и колчаном со стрелами – атрибут бога. Священные лавровые рожи окружали его храмы. У Каллимаха, поэта и учёного эллинистического времени, встречаются такие строки:

*Слышишь, как зашептались листы
Аполлонова лавра,
Как содрогается храм?
Кто нечист, беги и сокройся!
Это ведь Феб постучался
к нам в дверь прекрасной стопою.*

Лавр – священное дерево Аполлона. Теплолюбивое растение странным образом связывается в архаических мифах с Северным Причерноморьем, со страной гипербореев, где лавр ни в древности, ни сегодня произрастать не мог. Так мифогеографический адрес Аполлона повлиял и на происхождение лавра.

Позже сложился другой красивый сюжет о происхождении лавра. Влюблённый Аполлон преследовал нимфу Дафну, и она, спасаясь, попросила помощи у своего отца, речного бога Пенея, и он обратил дочь в лавровое дерево (лавр по-гречески «дафне»). Аполлон сделал лавр вечнозелёным, увенчал себя венком из его ветви в память о прекрасной девушке.

И такими же венками награждали победителей на пифийских спортивных и музыкальных состязаниях (отсюда и современное название

«лауреат» – победитель конкурсов, в основном художественных, или удостоенный премией).

За лавровый венок состязались не только на стадионах: солдатам-победителям в Древнем Риме тоже вручали лавровые венки.

Такой венок считался символом могущества, победы и мира, его чеканили на монетах. Отсюда и выражения «почивать на лаврах», «пожинать лавры», то есть пользоваться раз достигнутым успехом.

В искусстве античной и последующих эпох Аполлон, как и Гермес, всегда преисполнен силы, юности и красоты.

И над фронтоном Большого театра в Москве не случайна квадрига Аполлона солнцеликого:

*...струны страстью под плектром
звучат золотым на божественной лире,
Мысли быстрее с земли на Олимп
перенёсшись оттуда,
Входит в палаты он Зевса,
в собрание прочих бессмертных.
Тотчас желанье у всех появляется –
песен и мира...*

На острове Делос, где родился Аполлон, в течение многих столетий отмечались праздники Аполлонии, собиравшие людей со всей Ойкумены.

Здесь беспоряне жертвовали в святилище солнечного бога ценные дары, получали право проэдрии – почётных мест в первых рядах во время праздника.

Такие же права они имели в Дельфах, а также привилегии вне очереди запрашивать знаменитого Дельфийского оракула.

Боспоряне участвовали в Панафинейях – праздниках в честь богини города Афин, проводившихся раз в четыре года в середине лета. Одними из центральных событий праздника были музыкальные и атлетические состязания.

В Северном Причерноморье найдены панафинейские амфоры – награда победителям на праздниках в Афинах. Из литературных источников известно, что боспорский учитель музыки принимал участие в дельфийских соревнованиях.

На окраинах Ойкумены, своей «малой родины», переселенцы тщательно повторяли образ жизни, культуры и обычаи, сохраняли язык.

Тем более что эти города не были замкнутыми, отчуждёнными территориями, они в равной степени были открыты на юг – морскими путями на историческую родину и тесно связаны степными дорогами с народами севера и востока.

Конечно, со временем уклад жизни менялся, сказывалось влияние степи, но обаяние, открытость, гуманизм греческих традиций были столь велики, что и через сотни лет они не менялись в своей основе: театр оставался театром, игры – состязанием ума, силы и красоты...

Культура и торговля с неизменной последовательностью перепахивали пепелища междоусобиц и сражений – и ростки традиций прорастали вновь...

ДОНСКАЯ ОЙКУМЕНА

Развернём карту низовьев Дона: дельта древней реки похожа на огромное дерево: широкое основание речного русла в черте Ростова стремительно разветвляется, образуя обширную крону, венчающуюся Таганрогским заливом. Города, как гигантские яблоки, прячутся в этой кроне.

Нет таких богатств, которых не было бы в дельте: рыба, почвы, травы, вода... памятники истории и культуры...

Не перечислить!

И всё с такой щедростью, что кажется, будто жизнь начиналась отсюда, а затем выплескивалась в другие районы...

В отношении природы это, конечно, не так, но в отношении культуры здесь нет преувеличений: история человеческой цивилизации начиналась с дельт рек, история человека в черте области – тоже отсюда, с дельты. Так что древо жизни – это не символ, это реальность, причём не только для наших предков, но и для нас, живущих.

Если представить невероятное – исчезновение дельты, – все яблоки в её кроне осыплются тут же.

На голубых ответвлениях дельты и Таганрогского залива вдоль коренных берегов и в центре – ожерелья из городов, посёлков, станиц, хуторов: Ростов-на-Дону, Азов, Таганрог; Колузаево, Курганы, Городище, Елизаветинская, Обуховка, Рогожкино, Дугино, Сафьяново, Недвиговка, городище Танаис...

Что не имя – то история! И не заглядывая в архивы, чувствуешь историю в 200, 500, в тысячи лет...

Городищами по всей России называли места древнейших поселений. Уже и на поверхности исчезли остатки строений, а в народной памяти закреплялось: городище – место, где когда-то жили предки. На нём не строили домов – святые места.

Для первых археологов это надёжнейший ориентир, и здесь не ошиблись: у хуторов Городище и Недвиговка обширные незастроенные пространства – Елизаветовское городище и Танаис, великолепные памятники античной эпохи России. Изумительные по содержательности и красоте находки из раскопок, державная гордость на выставках.

Низовья Дона, один из центров древнейшей истории Европы и Азии, – самый аристократический регион России: родословная культуры здесь исчисляется тысячелетиями.

Античный её период – один из самых ярких.

КРЕМНЫ

Об этом городе упоминает Геродот, рассказывая о происхождении сарматов.

Эллины, захватив в плен амазонок, возвращались домой. В море амазонки перебили греков, но не справились с управлением кораблями – паруса и руль были им незнакомы. Несколько дней шторм носил их по морю, и, гонимые ветром, их корабли выбросило к Кремнам на берегу Меотиды, в землю свободных, то есть царских скифов.

Далее повествуется, как они обрели мужей-скифов и от браков с ними произошли савроматы...

Позднее римский энциклопедист Плиний Старший, описывая народы вокруг Меотиды, упомянул, что ко-

гда-то окрестностями в дальнем углу моря владели карийцы, выходцы из Карики – одного из районов Греции.

Город отождествлялся с поселениями VII века до н. э. на восточном берегу Таганрогского мыса. Здесь, в районе Каменной лестницы, археологи находят множество обломков керамики, предметов самого раннего периода колонизации греками северных берегов Азовского моря.

Периода – во многом загадочного и интересного – едва ли не встык ко времени, когда складывался эпос «Илиады» и «Одиссеи» (VIII век до н. э.).

Входил ли город в географию путешествий Одиссея, каким было начало диалога народов моря – греков и народов степи – скифов?

Диалога, определившего историю Европы...

Так, повзрослев, мы вглядываемся в свои фотографии младенческого периода, пытаюсь из сохранившихся фрагментов воспоминаний восстановить самое непостижимое в судьбе человека – начало бытия...

Здесь в 1937 году проводились одни из первых в России подводных археологических исследований, были обследованы и нанесены на план границы поселения, найдено множество ионийских сосудов, родосских киликов с изображением птиц – эти вазы имеют точную датировку: середина VII века до н. э. В последние годы раскопки ведёт совместный российско-германский отряд археологов.

Одна из находок – обломок чернолаковой чаши с процарапанной стихотворной надписью: *«Жажду веселья я, так как победил, получив призы, на состоя-*

заниях...». Текст сохранился не полностью, но бесспорно агонистическое назначение надписи.

Специалисты так характеризуют яркую находку: *«...безупречный греческий язык, а главное знакомство со стихосложением и поэтической лексикой говорят о высоком уровне духовной культуры... обитателя Таганрогского поселения».*

При исследовании культурного слоя древнего городища Кремны впервые в отечественной практике был применен кессон. Культурный слой исследовался на площадке, огороженной трубой большого диаметра, опускавшейся под давлением по мере выборок слоя. Это давало возможность быстро откачивать воду и без помех вести археологические работы.

Со временем, с осознанием образовательной значимости античного поселения, его роли и места в перспективах развития города, этот памятник – как узел Геракла – станет связующим в сложнейшем динамичном пространственно-временном облике Таганрога.

ЕЛИЗАВЕТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Обширное поселение предшествовало Танаису: даты его существования – VI – III века до н. э.

К V веку до н. э. произошло объединение городов районов Таманского полуострова и Восточного Крыма в единое Боспорское государство, и поселение в донской дельте становится крупнейшим торгово-посредническим центром между боспорскими городами и племенами северо-восточных приазовских степей.

Вино, посуда, ткани из городов Боспора и Греции – Хиоса, Самоса, Фасоса – от Елизаветовского городища шли караванными и речными путями на сотни километров на север, до района современного Воронежа.

Существовали здесь и собственные производства керамики, металлургии, ткачества. Основными видами хозяйственной деятельности были рыболовство, земледелие и разведение скота.

Вокруг городища, в дельте, археологами открыто множество небольших поселений, современных Елизаветовскому. Терракотовые статуэтки, найденные при раскопках, свидетельствуют о культе богини плодородия Деметры. Среди находок из Елизаветовского городища – великолепная панафинейская амфора. Время и место её изготовления – 430 год до н. э., Аттика.

Амфора – главный приз за победу в состязаниях на Великих Панафинях в Афинах. На амфоре – изображение Афины Паллады с копьем и щитом. Богиня стоит между двумя колоннами, на них восседают пегасы. На оборотной стороне изображена сцена музыкального состязания: в центре – юноша-кифаред, за ним – судья или педагог и сидящий юноша.

Как называлось поселение в античную эпоху, пока неизвестно. Городище, открытое археологами, названо по имени близлежащей казачьей станицы Елизаветинской.

Возможно, географ Страбон, говоря о том, что в 100 стадиях от Танаиса *«лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население»*, имел в виду донское городище с окружающими его поселениями.

ПАНАФИНЕЙСКИЕ АМФОРЫ

На Панафинейских играх в Афинах существовал обычай вручать победителю амфору, наполненную оливковым маслом. Амфоры были непростые – лучшие мастера расписывали их сюжетами различных видов спортивных состязаний: борьбы, панкратиона, бега и других. На эти амфоры ставилось государственное клеймо, подтверждающее их отношение к панафинейским празднествам.

Окончательный тип росписи панафинейских амфор оформился к 530 году до н. э.: горло украшал растительный орнамент, на лицевой стороне – Афина со щитом и копьем в руках, по обеим её сторонам – дорические колонны с восседающими петухами, символами боевого духа соревнований; у левой колонны – надпись на греческом: «*Награда из Афин*»; на оборотной – изображён вид состязаний, за который победитель получил приз.

Около 400 года до н. э. произошли первые изменения в оформлении лицевой стороны призовых амфор: петухов на колоннах сменили скульптуры с именами жрецов, занимавшихся изготовлением священного масла. Так как единого летоисчисления в Древней Греции не было, их имена использовались для датировки времени проведения праздников. Они, таким образом, становились эпонимами, буквально – «дающими имя».

Такое же значение имеет надпись у правой колонны – это имя архонта (регента), одного из

девяти ежегодно избравшихся высших должностных лиц в Афинах.

По имени главного из них, архонта-эпонима, назывался год (примерно тот же смысл мы вкладываем, говоря «эпоха Петра», «николаевское время», или – в звучном пушкинском слове – «дней Александровых прекрасное начало»...).

И так как символ на щите призовых амфор перестал иметь значение, щит стали изображать в профиль, а на освободившемся пространстве появляется изображение тренеров и богини победы Ники.

По сохранившимся спискам, сюжетам росписей амфор, по сведениям античных авторов известно, за какие виды состязаний победители получали панафинейские амфоры, заполненные священным маслом.

Бег (один из самых ранних видов атлетических состязаний на Панафинейях); пентатлон; борьба; панкратион; гонки на колесницах; бег гоплитов (тяжеловооружённых воинов-ополченцев) в шлемах, поножах, со щитами в руках; бег с факелами; музыкальные состязания.

При раскопках городищ и некрополей античной эпохи в Северном Причерноморье археологами найдено около десятка панафинейских амфор.

О некоторых деталях росписей панафинейских амфор исследователи спорят: в центре щита Афины рисунок – он мог означать фирменное клеймо вазописца или гончара.

И он мог быть символом одного из знатных афинских родов, на земле которого росли священные оливковые деревья – собранный с них урожай в год Панафиней шёл на изготовление масла для победителей...

ТАНАИС

*Здесь взгляду живому
откроется город у моря.
Сплетенье наречий,
Слиянье кровей и сердец.
А мёртвому взгляду –
лишь пепел да прошлое горе,
Лишь мёртвые камни.
Лишь ветер.
Лишь Мёртвый Донец.
Осколок судьбы,
Возлежащий среди неба и пыли...
И след отпечатан
В ещё неостывшей золе,
До боли знакомый –
Так, словно однажды мы жили.
Так, словно прошли мы однажды
По этой земле.*

Геннадий Жуков

Весной сюда возвращаются боги, вечные боги живого мгновения жизни, и земля на всю глубину прорастает зеленью и цветами.

Чудо ли, целесообразность или случайность – соединили здесь древность, степь, реки и тихое море,

создав гармонию, постичь которую, наверное, можно лишь через поклонение ей...

Здесь, на правом берегу донской дельты, в районе современного хутора Недвиговка, время сохранило руины древнего города Танаиса. Он был основан в III веке до н. э. и простоял восемь веков. В рамках этих столетий в историю города вплетались судьбы многих народов: скифов, греков, сарматов, алан, меотов, славян...

Первые ориентиры человека на планете – реки. Своё имя город получил от греческого названия реки Дон. Вообще, слово «Дан», «Дану» по-скифски означало «река, вода». Корень слова звучит в названиях многих рек – Дунай, Днепр, Днестр... Греки озвучили имя реки на свой лад – Танаис.

Река Танаис отмечена на древнейших картах планеты. В них она – важнейший структурный элемент в ориентации мира, определявшегося древнегреческими географами как «обитаемая земля» или «известная земля» – Ойкумена.

Мир вписан в круг – символ кольца Океана, опоясывающего землю, разделённую на Азию, Европу и Африку. На карте эта схема напоминает букву «Т»: вертикальный столбец – Средиземное море, левая перекладина – река Танаис, правая – Нил.

«К Европе примыкает Азия, соприкасаясь с ней вдоль реки Танаис», – пишет Страбон. На этих картах ещё нет масштаба, они не передают реальных соотношений расстояний, иногда они – своеобразные космические символы, отражающие трёхчастное членение обитаемой земли. И река Танаис – один из основных элементов мироописания или, как обозна-

чали в географии римского времени, «круга земного», эквивалента греческой Ойкумены.

Холодная окраина земли – таково расхожее представление о Танаисе, реке и городе, у большинства античных авторов – теплолюбивых греков и римлян.

Овидий Назон, один из героев золотого века римской поэзии, в 8 году н. э. был выслан императором Августом в город на берегу Чёрного моря, близ Дуная. Сокрушаясь о невозможности вернуться в родной Рим, он пишет в «Скорбных элегиях»:

*Эти простёртые под эриманфской
Медведицей земли
Не отпускают меня, выжженный стужею край.
Дальше – Босфор, Танаис;
Киммерийской Скифии топи,
Еле знакомые нам хоть по названью места;
А уж за ними – ничто:
только холод, мрак и безлюдье.
Горе! как близко пролёт круга земного предел!*

Картины впечатляющие, но, конечно, поэтические преувеличения налицо. Танаис ко времени ссылки великого поэта был обжит и имел торговые контакты со всем Средиземноморьем.

Да и климат был, по-видимому, теплее, чем в наше время.

Мы ведь сегодня живём в ещё не закончившийся последний ледниковый период, начавшийся около 20 миллионов лет назад. И, по мнению учёных, наиболее тёплая его часть приходится на эпоху, отстоящую от нынешней на несколько тысячелетий, – на языке науки это называется климатическим оптимумом.

Древнейшие письменные свидетельства о территории России начинаются с рассказа о реке Танаис.

«Восьмая река – Танаис, которая течёт сверху, впадает в большое озеро, называемое Меотийским, которое разделяет царских скифов и савроматов...»

Так пишет о ней отец истории Геродот, повествуя о народах, природе и сказаниях приазовских степей.

Степь вошла в историю культуры в ореоле легенд. Казалось, за окраинами Ойкумены – известной грекам земли – открывалась бездна иного мира: здесь земля соединялась с небом, обитали удивительные народы, воинственные амазонки, необыкновенные существа и растения, необычайно полноводные реки текли прямо из Океана, опоясывавшего всю Землю...

Легендой человек дополнял то, что выходило за границы знакомого мира.

Своеобразие региона, центрами которого в течение тысячелетия были сначала предтеча Танаиса – Елизаветовское городище (с VI по III век до н. э.), а затем сам Танаис, формировалось пестротой этноса, географическим расположением на окраине Ойкумены. Недаром Геродот одну из книг своей «Истории» посвящает этой земле: цикл событий и мифов, которые он успел записать, стали своеобразным «Ветхим Заветом» в родословной Великой Степи.

Соответственно, Танаис – это «новозаветный» её раздел, летописцами которого стали археологи.

В ту пору главное русло Танаиса, глубокое и судоходное, проходило там, где сегодня остался лишь тихий донской рукав – Мёртвый Донец. На его высоком крутом берегу боспорские греки и заложили город, одноимённый реке.

В первую очередь Танаис – это порт, созданный на самой границе реки и Азовского моря. В греческой географии море называлось Меотидой («болото», «болотистое озеро»). Безопасность якорных стоянок определила выбор места на обширном пространстве дельты – на высоком берегу правого рукава.

За полтора тысячелетия, прошедшие с тех пор, как прервалась жизнь города, Дон далеко в море выдвинул дельту, и Танаис оказался сейчас от Меотиды почти в 10 километрах.

Страбон характеризует город как *«общий торговый центр азиатских и европейских кочевников – с одной стороны, и прибывающих на кораблях с Боспора – с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников; последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода...»*

«Танаис – самое большое торжище варваров после Пантикапея», - подчёркивает знаменитый географ.

Вверх по Дону от Танаиса тянулась цепочка поселений, его сельская округа. Ни письменные, ни археологические источники не сохранили их названий.

В поселениях был свой, отличный от города, характер застройки: очень мало каменных сооружений, большей частью круглые хижины с каркасом из деревянных жердей, обмазанных глиной, – сказывалась традиция местных племён. В интерьерах непременно – очаг, печь, лежанки, зернотёрки, жернова...

Жители поселений не были связаны непосредственно с заморской торговлей. Здесь нет обширных складских помещений, привозные товары сюда поступали через Танаис.

Всё написанное о городе современниками не заполнит и листа школьной тетради. Это не воспоминания, не мемуары, не хроника событий. Скорее, констатация факта. Как если бы мы, услышав о чём-то, пересказали своим знакомым: без удивления, без подробностей и личного отношения, но – с осознанием значимости факта.

«В устье реки Танаис есть город, - пишет Плиний Старший, выдающийся энциклопедист античности, - для входящих сюда по левую сторону находится Европа, по правую – Азия...»

Танаис – торговый посредник между двумя частями света. В город поступали оливковое масло, вино, ткани, разнообразная посуда и другие товары из греческих центров Малой Азии, Боспорского царства, Греции. Эти товары через Танаис проникали в Подонье-Приазовье и дальше – в верхнедонские и поволжские земли, вплоть до Прикамья и казахстанских степей.

Греческие купцы увозили из этих мест рыбу, зерно, скот, шерсть. Город был и крупным производственным центром. Кроме рыболовства, скотоводства, земледелия жители его занимались различными ремёслами: гончарным, ткацким, ювелирным, кузнечным и другими.

Время существования Танаиса исследователи разделяют на три периода – эллинистический, римский и позднеантичный. Граница между первыми двумя – начало нашей эры. Возрождение города в середине IV века н. э., через сто лет после внезапной гибели, дало отсчёт третьему периоду.

Застраивался ли Танаис постепенно, стихийным ростом новых кварталов, или же создавался сразу по заранее обдуманному плану?

Скорее всего, он формировался в границах уже существовавших до прихода греков поселений, постепенно подчиняя и приспособлявая их к регулярной планировке – типичной для города эллинистического времени. С первых лет образования города был выстроен целый район со своей системой оборонительных сооружений.

Возникновение и рост Танаиса не прервали развития местных особенностей – ни в социально-экономической, ни в культурной области. Часто эти традиции приобретали внешнюю греко-римскую оболочку, оставаясь по содержанию прежними, варварскими.

Население было смешанным: наряду с боспорскими греками (эллинами) здесь жили представители окрестных племен – танаиты (сарматы, меоты).

Здесь надо уточнить: греки, скифы, сарматы – это «этнические» термины. Танаиты – скорее всего, термин «географический», сравнимый по смыслу с современным наименованием жителей городов.

Обе группы населения составляли две общины, жившие в III - I веках до н. э. в разных частях города.

Именно в этот период складывается своеобразная – характерная только для Танаиса – двойная система городского самоуправления.

В I - III веках н. э. в результате усиления притока в город местных племён деление на эллинов и танаитов становится условным.

Расцвет Танаиса относится к первым векам нашей эры.

Именно в это время ведётся интенсивное строительство, возводится мощная система оборонительных укреплений, значительно возрастают торговые и экономические связи, развивается городское ремесленное производство.

Особенность политической жизни Танаиса, в отличие от других городов Боспора, состояла не в борьбе за власть, следствием которой был бы неизбежный проигрыш – и победителей, и побеждённых, а в поиске компромисса, создании условий, при которых проявление экстремизма – как среди эллинизированных, так и среди варварских общин – становилось невозможным.

Сказывались традиции раннеэллинистического периода города, когда два мира – греческий и варварский – сумели договориться друг с другом ради сохранения жизненного пространства, обогащавшего и материально, и духовно обе стороны.

Модели этого компромисса пересказаны Геродотом – блестящие легенды об амазонках, происхождении скифского народа, где в мифологической оболочке отчётливо просматривается канва реальных событий.

Греки, располагая явными преимуществами социального порядка – письменностью, развитой религией, запечатлённой в слове историей, – всё-таки не теряли способности учиться и видеть равные ценности у других народов.

Эта – совершенная неспособность к маниакальной исключительности своих социальных программ, богов, идей – создавала тот благоприятный фон, при котором звон оружия уступал голосу разума.

Все исследователи отмечают беспрецедентность танаисской системы управления. Наиболее полно эта структура прослеживается в таких категориях находок, как тексты на каменных стелах, – в лапидарных надписях. Материал стел – известняк и мрамор.

Количество лапидарных надписей из Танаиса на сегодня составляет около семисот, и они дают широкий диапазон информации о политической и религиозной истории города, его общественном устройстве.

Представителем боспорского царя являлся наместник – пресбевт. Его имя в надписях упоминается сразу же после имени царя, что свидетельствует об исключительной роли этого чрезвычайного уполномоченного высшей власти.

«В добрый час. При царе Рескупориде, сыне великого царя Савромата, и при Зеноне, сыне Фанна, пресбевте царя Рескупорида...»

В правовом плане в его функции входил надзор за исполнением указов царя, договорных отношений между Танаисом и царской администрацией. Он был постоянным легатом (от латинского «избранный»), а не временным послом для разрешения спорных моментов.

Так как роль города была исключительной не только как торгового центра, но и как форпоста на крайнем северо-восточном рубеже царства, особой задачей пресбевта было обеспечение обороноспособности Танаиса.

Не случайно чаще всего имена пресбевтов встречаются в надписях о строительстве и восстановлении оборонительных стен и башен.

«В царствование царя Тиберия Юлия Евпатора, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, разрушенные временем стены, отстроив их от основания, Трифон-пресбевт восстановил...»

Надпись датируется 163 годом н. э. Она одна из самых ранних, где упоминается должность пресбефта.

Центральная власть вмешивалась в жизнь Танаиса осторожно, ограничиваясь ритуальными знаками внимания боспорского царя: слишком велик был риск приобрести вместо автономного, самоуправляющегося города очаг вражды и опасности на непростой северо-восточной границе империи.

В Греции классической эпохи демократию создавала собственность на землю. Необходимостью правового регулирования коллектива земельных собственников определялись гражданский статус и формы политической организации античного общества – то была эпоха, в которой свободный гражданин мог сказать: государство – это мы.

Свободный житель Танаиса – это прежде всего торговец, ремесленник, владелец мастерских, собственность которого на жилую недвижимость в границах города и в окрестностях, на корабли и портовые сооружения вводила его в гражданское общество города. Не исключалась и земельная собственность, возможно, в большей степени характерная для членов общины танаитов из сельской округи.

Важной выборной должностью в магистратуре был гимнасиарх. Он был управителем гимнасия – школы, где обучались дети с 12 лет по комплексной про-

грамме гармоничного развития личности: науки, физическая культура, различные искусства.

Гимнасии – вторые по значению (после храмов) центры общественной жизни. Во многих античных городах уже взрослые граждане продолжали посещать их, пополнять свои знания, слушать лекции известных учёных, философов, речи ораторов, участвовать в дискуссиях, состязаниях спортивных и музыкальных (по разным видам искусств). При них были библиотеки, велись официальные списки лиц с гимнасийным образованием для включения их кандидатами на высокие государственные должности.

Ограничивались ли обязанности гимнасиарха в Танаисе только обучением и воспитанием юношества и организацией спортивных состязаний, сказать пока трудно. Но заметно, что в государственной иерархии должностей гимнасиарх занимал почётнейшее место. В посвятительных надписях, найденных в Танаисе, имена гимнасиархов упоминаются неоднократно.

Вот некоторые из них: Меофил, сын Христиона; Басилид, сын Феоника; Фиагар, сын Антисфена; Балодий, сын Деметрия; Макарий, сын Мастуса...

В 1959 году городище Танаис и его некрополь объявлены заповедной территорией. А в 61-м здесь был открыт археологический музей-заповедник. Танаис стал первым историческим заповедником, созданным в России.

Многое из того, что позднее стало традицией, впервые на практике было опробовано здесь.

Первый опыт устройства экспозиции под открытым небом, первая реконструкция жилого помещения на

исследованном участке городища, реконструкция жилища сельской округи Танаиса (меотской хижины), реконструкция моста античной эпохи, реконструкция боевых машин.

Ежегодно открываются новые кварталы города и исчисляются десятками тысяч вещей находки.

Археология близка к тому, чтобы говорить о человеке – ведь мир вещей приоткрывает дверь в мир людей. И уже скоро, рассказывая о вещах, мы будем говорить не о судьбах поколений или эпохи, а о личности...

Поражает порой не только способность человека познавать весь этот далёкий, казалось бы, навсегда ушедший мир предков – здесь отлаженная десятилетиями и поколениями учёных методика, инструмент, пользоваться которым учат в университетах.

Удивительно другое – то, что прошлое и через тысячелетия эстафетой переходит в наш век и сосуществует с ним на равных...

Более того, я подозреваю, что мир наших страстей определяется способностью нашей – сохранять, помнить и переживать прошлое как своё собственное бытие...

Может быть, самое главное, что даёт город для тысяч посетителей, – это возможность ощутить масштаб жизни, её фантастическую глубину, непередаваемое разнообразие её проявлений.

Мы можем удивляться красоте природы (здесь в самом деле она необыкновенна!), поражаться пластике керамики (амфоры изумительны!), бродить по улочкам города – кажется, люди покинули их вчера и ненадолго: вы чувствуете запах сырой глины, золы

очагов, свежесрезанного камыша, которым покрывали крыши домов...

Камни – плоть города – цепко держат линии стен, башен, подвалов, площадей. Что-то далёкие предки понимали лучше нас: эта ясность в вещах, лапидарность владения словом, благоговение перед природой – в ней они видели тайну, не устрашающую бессмыслицей и равнодушием к человеку – но связующую судьбы каждого с вечностью, с прошлым и с будущим...

И всё это в образах, доступных и ребёнку, и взрослому. Есть чему позавидовать и над чем подумать.

Приезжай, читатель! Эти места и через много лет напомнят о себе щемящим чувством тайны, которая навсегда останется в твоём сердце.

ТАМАНСКАЯ ОЙКУМЕНА

*С полуострова Таманя,
древнего
Тьмутараканского княжества,
окрылись берега Крыма.*

Александр Пушкин

Тамань впечатляет в любое время года: разнообразием ландшафта, изменчивостью погоды, сакральностью, или – проще – намоленностью любого уголка этой земли.

Как в храме, где даже воздух – святыня.

На Тамани всё – воспоминание, причём в таком историко-родовом пространстве, что история кажется биографией не человечества, а внеземных существ...

И притом, что это незапылившийся семейный альбом цивилизации. Даже природа – казалось бы, везде уже присмирившая в своём многомиллионном возрасте – здесь непоследовательна, озорна, как девочка-подросток, почувствовавшая своё обаяние...

Растут на глазах вулканы, меняются берега лиманов, появляются острова в море...

И всё – будто тонкая, трогательная, призывная мелодия, на языке прозы переводимая как *«остановись! подумай! ты родился!»* – прекрасный повод для счастья.

ФАНАГОРИЯ

Из всех античных городов России – Фанагория – лучшая по красоте и живописности ландшафта и может соперничать только с Танаисом.

Город расположен на берегу Таманского залива (в прошлом он назывался Каракандамским). Основан в середине VI века до н. э. колонистами из греческого города Теос, а после объединения городов в Боспорское государство Фанагория стала столицей его азиатской части.

Письменные источники и археологические находки свидетельствуют, что город застраивался по классическим принципам эллинистического времени.

Крупнейшим общественным сооружением в городе было здание гимнасия, существовавшее непрерывно на одном и том же месте в течение нескольких столетий, начиная с IV века до н. э.

Здание сложено из хорошо отёсанных блоков белого известняка, оно было одним из наиболее монументальных в городе. Найдены фрагменты художе-

ственных архитектурных деталей: мраморные кессоны – потолочные плиты с рельефными изображениями в форме пальметт, капители колонн, черепица. Археологи открыли каменные полы гимнасия и остатки стен, украшенные росписями по штукатурке. Перед зданием находился школьный двор, по периметру окружённый портиком с коллонадой, – классическая планировка гимнасиев и палестр.

Рядом с гимнасием археологи расчистили колодец, один из самых обстоятельных и глубоких из тех, что известны сегодня в античных городищах. Стены колодца выложены прочно пригнанными блоками твёрдого известняка большого размера, над колодцем сооружена черепичная крыша с архитектурными украшениями. В Фанагории найдены стригили и сосуды для оливкового масла – обычный набор палестрита.

Божествам, покровителям города, сооружались храмы. Существовало несколько святилищ, посвящённых Аполлону и Артемиде, но особо почитаемой была Афродита.

Греческий географ Страбон объясняет, что где-то здесь, в окрестностях Фанагории, на богиню напали гиганты. Она позвала на помощь Геракла, спрятавшись в пещере, *«затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу»* на расправу.

В ремесленном районе города находилось большое керамическое производство с многочисленными печами для обжига; здесь изготовляли посуду, черепицу, амфоры, художественные терракотовые статуэт-

ки. Монетный двор Фанагории чеканил серебряные и медные монеты.

С исследованиями Фанагории связаны находки выдающихся памятников античного искусства. К IV веку до н. э. относится группа фигурных ваз.

Одна в форме Сфинкс – крылатой львицы с головой женщины. Это она неподалёку от города Фивы задавала путникам вопрос: «Кто утром ходит на четырёх ногах, в полдень на двух, а вечером на трёх?»

И когда Эдип ответил, что человек, Сфинкс бросилась в пропасть, освободив Фивы от напасти...

Другая ваза в форме сирены – полуптицы-полуженщины. Это о них предостерегает Одиссея богиня Цирцея:

*Ты увидишь сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко
людей мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам
приблжась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены,
ни детей малолетних
В доме своём никогда не утешить
желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют...*

И третья ваза – изумительная по художественной выразительности и мастерству – изображение Афродиты в створках раскрывающейся раковины: богиня любви и красоты родилась из морской пены...

Вазы покрыты тончайшей росписью и позолотой.

Это редкий случай сохранения полихромных терракотовых красок, обладающих не только большой прочностью, но и блеском, напоминающим эмаль.

Такими красками покрывались скульптуры и колонны храмов.

Находки из раскопок Фанагории входят в экспозиции крупнейших музеев России – Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея в Москве...

КЕПЫ

Городище Кепы находится на восточном берегу Таманского залива, оно замыкает цепь античных городов и поселений на обоих его берегах: Гермонасса, Фанагория, Патрей...

Часть городища затоплена морем, часть находится под застройкой посёлка, разбитого для разработки песчаного карьера, – его огромным котлованом также уничтожился культурный слой.

Выдающийся памятник оказался меж трёх огней...

Расцвет города относится к IV - II векам до н.э. Основой экономики было земледелие, это отразилось и в названии города: «кепы» в переводе с греческого – «сады».

Главным святилищем в Кепках был храм Афродиты. Руины храма исследовали археологи. Среди находок много votives (от латинского votives – «обет, желание») – приношений в дар божеству, иногда с благодарственными надписями или просто с именем богини: сосуды, терракотовые статуэтки, орудия труда, стелы.

Прекрасная мраморная статуя богини из Кеп – одно из лучших произведений античной пластики эллинистического времени (первая половина II века до н. э.) – была названа Афродитой Таманской.

ГЕРМОНАССА

О единственном из античных городов России, названном женским именем, один из авторов сообщает: *«Гермонасса названа по имени Гермонассы, жены некоего Семандра, митиленца, переселившегося в апойкию некоторых из зойлян и скончавшегося при основании города, а жена его сделала город себе подвластным и дала ему своё имя».*

Страбон в своей «Географии» отмечает: *«На азиатской стороне Боспора находятся большие города Фанагория и Гермонасса»*, другой античный автор подчёркивает: *«Гермонасса прекрасно построена»...*

Расцвет города начался в V веке до н. э. В античной литературной традиции его сравнивали по значимости с Фанагорией.

Эпиграфические памятники – тексты на мраморных плитах – свидетельствуют о большом античном городе с развитой системой оборонительных укреплений, храмами, святилищами, гаванью и общественным центром.

«Восстановил от основания башню...», *«восстановил окружающие храм портики, уничтоженные временем...»* – таков характер строительных текстов.

Наиболее почитаемыми из олимпийского пантеона здесь были Аполлон Врач и Афродита: *«Акия, дочь Перисада, посвятила Афродите по обету...»*, *«...посвятил Аполлону»*, *«В царствование Перисада Каллон, сын Каллона, окончив срок своего жречества, посвятил статую Аполлону Врачу...»* – свидетельствуют древние тексты.

Гермонасса находится на южном берегу Таманского залива, в черте современной станицы Тамань.

Сегодня выдающийся памятник мировой культуры подтопляется морем. В осенне-зимние штормы обрушиваются огромные пласты культурного слоя. Уже утрачено более 200 метров прибрежной части городища.

Высота берегового обрыва здесь достигает 25 метров. Наполовину он сложен из культурных слоёв разных времён.

Жизнь города, начавшись с VI века до н. э., не прерывалась никогда.

Сменялись эпохи, приходили и поселялись надолго народы, и цель их была общая: торговля, земледелие, рыболовство. Город менял имена: античная Гермонасса, византийская Таматарха, хазарский Самкерц или Сохидарей, славянская Тмутаракань, генуэзская Матрега, турецкая Хункала...

И окружной город Тамань, в котором «с подорожной по казённой надобности» оказался Михаил Юрьевич Лермонтов...

И наконец, станица Тамань – сегодняшней посёлок, великое будущее которого – в возрождении и сохранении его великого прошлого.

Редкостная всемирная летопись культуры на площади в 25 гектаров.

К тому же история исследований Гермонассы – это важнейшие страницы истории становления отечественной науки археологии.

ГОРГИППИЯ

Древний город находится в черте нынешней Анапы. Он разделил судьбу многих античных городов, разрушенных позднейшей застройкой настолько, что, несмотря на многолетние исследования, археологи пока не могут определиться с топографией Горгииппии.

Здесь создан заповедник «Горгииппия» с небольшим музеем и открытыми участками нескольких кварталов и улиц. Территория заповедника – это небольшой участок вдоль набережной моря, между памятником «Русские ворота» и зданием гостиницы «Анапа». Древний город локализован археологами благодаря многолетним находкам: надписям, в которых упоминается «народ горгииппийский» и наместник Горгииппии; горгииппийским монетам; черепицам с клеймом «Гор»...

Имя город получил в честь Горгииппа, сына боспорского царя Сатира I (IV век до н. э.). Предположительно, Горгиипп стал первым наместником боспорского царя в Синдике. Второе имя города – Синдская Гавань, предшествовавшая Горгииппии до IV века до н. э. (синды – местные племена, а Синдика – наименование территории Таманского полуострова от Азовского моря до современного Новороссийска).

Из рассказа греческого писателя II века Полиена известно, что у синдов в конце V века до н. э. был свой царь, существовали развитые торговые связи с греческими городами, и боспорскому царю не без труда удалось присоединить земли синдов к своим владениям.

Возможно, долгое время сохранялись оба названия: Горгиппия (после присоединения Синдики к Боспорскому царству) и Синдик или Синдская Гавань – имя более древнего поселения.

АРТЕМИДА

*Артемиду, ту, что забыть
 песнопевец не смеет,
Мы воспоём, возлюбившую лук,
 и охоты, и травли,
И хоровод круговой,
 и пляски на горных высотах.*

Строки из античной песни богине

Она была дочерью Зевса и титаниды Лето, сестрой-близнецом Аполлона, римляне называли её Дианой. Образ её древний и обязанности на Олимпе многочисленные: она – повелительница природы, богиня охоты и зверей, под её охраной – леса, луга и рощи. И в античную эпоху, и в новое время её изображали прекрасной девушкой. Но она не соперничала красотой ни с величественной Герой, ни с мудрой Афиной, ни с чувственной Афродитой.

Совершенство Артемиды легче выразить спортивными терминами: лёгкость и свобода движений, сила, быстрота.

Её и изображали больше похожей на участницу спортивных состязаний: стройная, в коротком одеянии без рукавов, в охотничьих сандалиях и с короткой причёской. Она просит отца

подарить ей хитон, *«до колена лишь доходящий, дабы нагнать мне зверя лесного»*.

Храм в Эфесе, посвящённый богине, считался одним из чудес света. Она покровительствовала мореходам.

Поэты сравнивали богиню с лёгким кораблём, несущимся под парусами на волнах.

Артемида – активная участница многих мифологических событий, связанных с Северным Причерноморьем.

Это она заменила ланью дочь Агамемнона на жертвенном костре, перенесла её в Тавриду (Крым) и сделала жрицей своего храма. Отсюда одно из её прозвищ – Тавропола (Крым – Таврия – прим. редактора). Святилища Артемиды были во многих городах и поселениях Боспорского царства. В Горгии чеканили её изображение на серебряных драхмах и медных монетах.

Ещё во младенчестве отец обещал ей, что в каждом городе будут её алтари и роци.

«И ещё все дороги отходят, гавани все под руку твою...» – строки из древнего гимна богине. Ей посвящена и мраморная стела из Танаиса: *«Богине Артемиде – покровительнице доков»*.

Письменных свидетельств о Горгии у авторов довольно много – роль города в системе морской торговли была значительной. Вот один эпизод из письменных источников: в 324 году до н. э. греческий оратор Демосфен предложил поставить в Афинах на площади медную статую Горгиипа в благо-

дарность за посылку в Афины большого количества пшеницы.

Благодаря удобной гавани (Анапская бухта) город быстро становится крупным морским портом. Через гавань Горгииппии в Грецию вывозилось зерно из районов Прикубанья, солёная рыба, кожа.

Обратными рейсами в трюмах кораблей боспорские купцы везли вино, аттическую краснофигурную и чернолаковую посуду, произведения искусства...

Официальным языком в городе, как и во всех городах Боспора, был греческий. Об этом свидетельствуют многочисленные записи, сохранившиеся на мраморных и известняковых плитах: копии декретов боспорских царей, выставлявшихся в общественном центре города; посвятительные надписи под статуями; надписи о строительстве; списки победителей в состязаниях; списки членов политических и религиозных объединений; посвящения богам.

Главная магистраль тянулась с запада на восток, вдоль моря, от восточных ворот города к агоре. Ширина её составляла до 8 метров. Продольные улицы пересекались поперечными (шириной до 5 метров). К улицам примыкали стены усадеб, состоявших из двух-трёх смежных помещений различной площади, иногда с внутренними дворами.

Заметная деталь – хозяйственные подвалы, иногда вырубленные прямо в скальном грунте, в подвалах были каменные или деревянные лестницы. Полы в помещениях глинобитные, неровности предварительно закладывались черепками. Стены домов выкладывались из слегка подтёсанных камней на глиняном растворе, крыши были черепичные.

Из производственных комплексов при исследовании города найдены цистерны с вином, камнерезные мастерские, гончарные печи, зернохранилища.

В 1965 году открыто святилище Деметры IV - III до н. э. В районе предполагаемой агоры найдены архитектурные детали: барабаны, колонны, блоки антаблемента (балочного перекрытия здания) III - II веков до н. э.

Множество стел с надписями – свидетельство монументальных построек в этом месте.

Некрополь города находился в районе кинотеатра «Родина». Обнаружены вырубленные в скале большие могилы, гробницы и склепы, содержавшие погребения в больших каменных саркофагах, тёсанных из монолитной глыбы известняка, закрытых такими же громадными крышками.

Самый знаменитый склеп – склеп Геракла, украшенный фресковой живописью. Он был найден в 1975 году. К сожалению, склеп ещё в древности был разграблен, но в нём сохранились уникальные по красоте и содержанию настенные росписи, сюжеты которых посвящены двенадцати подвигам олимпийского героя. Фрески были осторожно срезаны с поверхности каменных стен и перевезены в реставрационные мастерские. Сегодня в экспозиции Анапского археологического музея можно увидеть только отдельные фрагменты знаменитых росписей.

Древнейшей наградой победителям состязаний служил венок. Как победный приз он часто упоминается в песнях, в текстах почётных стел, на надгробиях, его изображения – в настенных росписях...

В Олимпии венок сплетался из веток оливы, на пифийских состязаниях (проводившихся в Дельфах при храме Аполлона) венки победителям сплетались из лавра – священного дерева солнечного бога.

А на Немейских играх (в древнейший период) победителя увенчивали венком из веток масличного дерева, позже – венками из сельдерея. Такие же венки были и на Истмийских играх.

Под стилем поэтов, воспевавших победителей, венок расцветает пышными эпитетами, вполне оправданными, учитывая общественную значимость события: *«золотая листва олив Олимпии...»*, *«дерево, осеняющее мужей и венчающее подвиги...»*, *«лавроносные игры...»*, *«песенная листва»*, *«венки, тяжёлые плодами славы...»*.

Распространённой наградой были золотые венки. Но их вручали за гражданские и военные подвиги – и в Греции, и в городах Северного Причерноморья.

Золотым венком был награждён Сириск – историк Херсонеса (этот венок изображён на фронте мраморной стелы в его честь). Изображения венков встречаются на стелах из раскопок Танаиса, Фанагории и других античных городов.

Никто из награждённых не рассчитывал на вечную память... Но вот прошло две тысячи лет – и мы читаем их имена, пытаемся представить образ жизни и характер занятий.

Летом 1895 года при постройке дома на территории города Анапы – древней Горгииппии – был обнаружен выдающийся памятник, вошедший в историю мировой спортивной культуры как Горгииппийский агонистический каталог.

Плиту у владельца дома приобрёл профессор Николай Иванович Веселовский, член Императорской Археологической комиссии, для Керченского музея, где она и находится по настоящее время.

На территории заповедника «Горгиппия» установлена копия памятника.

Белая мраморная стела высотой более двух метров с высеченными на поверхности именами победителей на состязаниях – Горгиппийских играх. Памятник столь выразителен, что если бы вдруг он оказался единственным спортивным раритетом того далёкого времени, всё равно можно было бы говорить о классических традициях состязательной культуры в городах античной эпохи на территории России.

225 имён в четырёх столбцах высечены на поверхности стелы. Каждый столбец имел заглавие. Сохранилось два: *«Следующие победили на длинной дистанции в честь Гермеса»* и *«Крепостью тела победили»*...

Большинство имен греческие: Геродор, сын Анаксикрата; Аполлоний, сын Посидея... Но есть имена и не греческие: Аристодем, сын Скифа; Деметрий, сын Синдока...

Хотя – в среде людей, не одно поколение живших на Боспоре – вполне могло быть употребление этнических названий «скиф», «синд», «сармат» в качестве имён собственных.

Надписи по характеру шрифта делятся на два раздела. В одном, отделённом вертикальной чертой, высечены более ранние имена победителей сорока семи состязаний, во втором – имена победителей последних четырнадцати состязаний; они не отделены вертикальной чертой. Первые имена начертали сра-

зу, возможно, на стелы перенесли имена, прежде начертанные на менее долговечном материале: деревянных досках или оштукатуренной поверхности стен.

И после установки почётной стелы на агоре города дополняли записи после каждого состязания. Таким образом, имена победителей составили второй раздел, состоящий из четырнадцати Игр.

Палеография надписи датируется первой половиной III века до н. э. Под столбцами незаполненные места: списки победителей дополнялись после очередных состязаний на протяжении ряда лет. Имена в списках повторяются, таких имён насчитывается 39, причём в разных столбцах – то есть были атлеты, занимавшие призовые места в различных видах состязаний.

Состязания посвящались покровителю гимнасиев Гермесу. Их можно сопоставить с состязаниями, проводившимися по всей территории Ойкумены. Они известны в Афинах, на Саломине, в Беотии, на Пелопоннесе, в Сиракузах, на Делосе, Самосе, в Теосе, Пергаме, Ольвии, Херсонесе...

Общая черта Игр, посвящённых вечно юному богу, – они были праздником детей и юношей. Известно, что начинался праздник бегом мальчиков с факелами. Затем – бег на различные дистанции, стрельба из лука, метание копья, иногда состязания колесниц...

Победителей награждали: коллективными наградами мог быть бык, индивидуальными – венки, щиты.

...Быть может, со временем этот древний памятник повторят в бронзе для установки во всех спортивных

комплексах России – как напоминание спортсменам, из чьих ладоней каждое новое поколение принимает эстафету олимпийской идеи – тогда и Горгиппийские игры могут быть возрождены в обновлённых формах.

VI. ПРАЗДНИК РЕКИ ТАНАИС

В 1913 году казаки хутора Недвиговка, выбирая камень из стен древнего Танаиса, нашли мраморную стелу. Казаки знали, что за необычные находки в Новочеркасске можно получить хорошие деньги. Стелу не бросили на подводу, свозившую камень к баржам на берегу Мёртвого Донца, а отвезли в Новочеркасск, в Музей истории донского казачества.

На этом памятнике начала II века н. э. отчётливо видна уникальная надпись на греческом языке, рассказывающая о 89-м по счёту праздновании «*дня Танаиса*».

В древнем Танаисе – как через увеличительное стекло – концентрировалась культура с огромного пространства тогдашнего мира, медленно переплавляясь в сплав нового времени.

Процесс во многом для нас непонятный: мы отслеживаем его пока «по одежке» археологических фактов, ещё не умея в луче света увидеть сложнейший спектр духовной жизни.

И всё же город как рухнувшее дерево: ветки высохли, исчезла листва, но по срезу могучего ствола можно прочесть о былой славе, о громких событиях, о повседневной жизни...

Последнее, может быть, самое важное, ибо не даты определяют ход истории, – это как пена на гребне волны: движение сильнее в глубинах...

Классические формы культуры, религии, быта, переносимые греками на новые земли, не оставались неизменными: взаимодействие с местным окружением городов составляло новую культуру, религию, быт...

Стела, найденная в Танаисе, небольшой высоты – 74 см, и в ширину чуть более 20 см.

В верхней части рельеф: всадник перед алтарём с пылающим огнём, за алтарём – дерево. У всадника длинные волосы и борода, в правой руке ритон – атрибут власти.

Под рельефом – 25 строк на греческом языке: *«В царствование царя Тиберия Савромата, друга цезаря и друга римлян, в год 401 справляющие день Танаиса в месяце апеллее, во главе со жрецом Зеноном, сыном Эрота, синагогом Гаем, сыном Харитона, филогатом Никостратом, сыном Никострата, Евпором, сыном Макара...»*

Далее перечисляются рядовые участники религиозного союза, празднующего «день Танаиса».

401 год боспорской эры – это 104 год н. э. Месяц апеллей приходился на летний период: конец июля – начало августа. Торжественно отмечающийся день посвящён богу реки Танаис – сыну Океана и титаниды Тетис.

Памятник редкостный, уникальный, загадочный во многом, хотя о нём написаны десятки научных исследований.

Общее, что объединяет святилище, курган или храм, – это культ предков, культ памяти, воплощённый в величественные сооружения – попытка человека объясниться с вечностью через посредничество предков. У них человек ищет защиты и вопрошает прошлое о будущем. Но это не культ смерти – крайней формы заблудшего ума.

В олимпийских богах, в Христе, в Будде воплотился весь противоречивый, жаждущий сострадания и любви человек, мужественно противопоставляющий бесконечности Вселенной хрупкую жизнь – вся история культуры оказывается одиссеей разума...

Конечно, и тогда вера обростала обрядовой мишурой, но всё же это было время юности человечества, и эта мишура не замутняла ни зеркала реки, ни звёздного неба, и люди могли общаться с богами напрямую.

За все 800-летнее время своего существования Танаис оставался частью эллинистического мира, сохраняя греческий язык, греческие имена, греческих богов. Это не значит, что мир Танаиса не изменялся. Он изменялся, и перемены были видны во всём, они прослеживаются археологически.

Но Танаис, как оторвавшийся от эскадры корабль, уже обозначил свой путь в фарватере истории. Он уходил в степь, городская его структура слабела, она слишком зависела от моря – столетиями она питалась морем.

Античный мир дряхлел, а юному варварству казалось, что мир меняется силой, и, не видя в старых богах бывшего могущества, оно с наивной жестокостью молодости крушило прежних кумиров.

Но пока боги Олимпа или мирно делили алтари с местными божествами, или, переодевшись в варварские одежды, выслушивали молитвы и принимали жертвоприношения от всех: скифов, сарматов, меотов, греков...

В условиях Танаиса монументальность греческих богов обмельчала, их сняли с постаментов и ввели в дома...

Они стали обслуживать не только государство и чиновников, но и человека с его помыслами на личный успех и надеждами на личное спасение. Отсюда всё большая их отвлечённость, универсальный пантеистический характер.

Образы танаисского пантеона – удивительное смешение множества культов варварского и греческого миров.

Танаисская Афродита в одеянии сарматки держит в руках классические атрибуты богини – зеркало и яблоко. Когда-то на земле Эллады это яблоко вручил ей Парис. За это юный пастух-принц, сын могущественного царя Трои, получил награду от богини – любовь Елены, самой прекрасной женщины на земле – со всеми последствиями, описанными в «Илиаде» Гомера...

Кажется, при сильном увеличении можно различить на яблоке надпись «Прекраснейшей», выполненную злыми эриниями – богинями раздора...

Вот бронзовая статуэтка Гермеса – бог юн, изящен, узнаваем, у него классические атрибуты: крылатые сандалии, плащ на сгибе левой руки, в правой – кошелёк с деньгами...

Но вот варварская деталь: гривна на шее из серебряной проволоки – благодарность от хозяина-танаита, в чьём домашнем святилище бог обитал.

Аполлон тоже отлит из бронзы, за плечами – неизменный колчан с луком и стрелами, взгляд вдаль – возможно, за пущенной стрелой, на голове – венок. Облик его аристократичен, слегка небрежен: он не бог рынков, менял-трапезитов, кухонных хозяек, воров, торговцев, как Гермес...

Он мусагет – предводитель муз, бог солнечного света, покровитель искусств... И на состязаниях в стрельбе из лука без благосклонности стреловержца Аполлона победить невозможно.

Вот строки из античных гимнов:

Впрочем, ну кто не поёт Аполлона?

Что славить приятней?

*В золоте весь он: плащ золотой, золотая застёжка,
Лира, ликтийский лук и колчан –*

всё золотом блещет,

Как и сандалий убор. Аполлон весь златом обилен...

*Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку*

с серебряным луком.

Радуйся много! Да склонит тебя

моя песня на милость!

ГЕРМЕС

Быстроногий бог – олимпийский покровитель и опекун спортсменов всех стран во все времена, начиная с первых Олимпиад. Это он даёт атлетам силу, а бегунам – выносливость...

Ему два тысячелетия от роду, но он юн и строен. Даже присущую ему стремительность мастер сумел передать в тяжёлой бронзе, из которой отлит покровитель атлетов.

Как и положено вечно юному олимпийцу, его биография насыщена столькими событиями и деяниями, что любому другому жителю Олимпа хватило бы на десяток жизней.

Он сын верховного бога Зевса и плеяды Майи. Едва родившись, Гермес увёл у Аполлона его любимых коров, втащив их в пещеру за хвосты, чтобы «направить следствие» по ложным следам. А в знак примирения подарил покровителю муз лиру, получив взамен кадуцей – золотой жезл, который стал неизменным атрибутом вездесущего бога.

Он – покровитель торговцев и путешественников. Для первых Гермес изобрёл меры веса, алфавит и цифры, чтобы заключать договоры, а для вторых – огниво, чтобы в пути можно было быстро разжечь костер. Он – своеобразный бог-ориентир: святилищем ему могли быть столб или куча камней на перекрестке.

Он успевает везде и всюду: помогает Гераклу в его подвигах, выручает Орфея и Персея, в самые тяжёлые минуты предупреждает Одиссея об опасностях...

В Древней Греции статуи Гермеса устанавливались в палестрах и гимнасиях – олимпиец вместе с Гераклом был покровителем атлетов, богом красноречия и мудрости. Известны агонистические празднества, посвящённые Герме-

су (Гермеи) во многих городах Северного Причерноморья.

Именно о таких празднествах рассказывает агонистический каталог из Горгиппии.

В декоративном убранстве архитектуры городов России второй половины XIX века можно увидеть изображения Гермеса и его жезла – кадуцея на административных зданиях и банках. Ведь Гермес – даритель богатства и удачи, что вполне соответствовало символике культурной среды новых рыночных отношений в России конца XIX века.

Терракотовая Великая богиня даже в маленьком объёме небольшой скульптурки монументальна и величественна, как и положено быть богине, от которой зависит плодородие земли. Она сидит на троне, под ступнями ног – скамейка, в руках – хлебная лепешка и яйцо. Богиня в традиционном сарматском головном уборе – высоком калафе с покрывалом.

Какое у нее было имя? Кибела? Деметра? Афродита Урания (Небесная)?..

Божественные образы трансформировались в условиях окраины Ойкумены и, сливаясь с местными божествами, приобретали новые имена...

Медальон с изображением Эроса с палицей Геракла, примеривающего шкуру Немейского льва – одежду Геракла... Такой медальон служил нагрудным украшением праздничной одежды. С этим изображением связана латинская крылатая фраза: «*Omnia vincit amor*» – «Любовь побеждает всё».

Амур и Психея, не размыкающие объятий два тысячелетия...

Женская головка идеальных пропорций, то ли богиня, то ли портрет танаитки...

А это странное существо с огромными ушами, носом в пол-лица, колоколообразным то ли туловищем, то ли одеянием, в нижнем крае – два отверстия, через них продевалась веревочка, на неё подвешивались две ноги с безобразно приплюснутыми ступнями и несоразмерный с фигурой большой фаллос. Длинными руками это гротескное существо держит богиню...

Кто это?

И какое отношение или чувство выражено в этом образе – ирония? страх? смех? И что это? Разрушение гармонии? Или неожиданно всплывший в сознании художника осколок древнего мифа?..

Боги лепились из глины, закалялись в пламени гончарной печи, и жрец в храме, убедившись в канонической достоверности образа, после жертвоприношений и короткой молитвы подтверждал права новоиспечённых образов быть хранителями дома, выслушивать просьбы и исполнять пожелания домочадцев.

Такие статуэтки купец брал с собой в дорогу. Капитан корабля мог положить их в особые ниши на носу и на корме у рулевого весла: боги помогали прокладывать путь между волнами и звёздами и оберегали кормчего. Земледелец перед вспашкой поля оставлял статуэтку на межевом камне на всё время работ.

При всей ограниченности пантеона диапазон божественных обязанностей был велик, поэтому богов

наделяли дополнительными титулами, расширяя сферу их профессиональных забот.

Зевс мог быть врачом.

Артемида – покровительницей доков для ремонта кораблей.

А купец, благополучно миновавший штормы и пиратов, мог отблагодарить не Гермеса – покровителя торговли, а Аполлона – предводителя муз...

Статуэтку могли положить в могилу, рассчитывая на содействие божества в вечной жизни.

В античном Причерноморье нет города, где не находили бы изображений богини Афины: профиль её чеканили на бронзовых монетах Ольвии, скульптурные изображения найдены при раскопках Херсонеса, а живописные – на панафинейских амфорах из Пантикапея и Елизаветовского городища, гравированные – на драгоценных камнях перстней...

АФИНА

Всего, чему научила людей богиня, было бы достаточно, чтобы заложить основы цивилизации: ремёсла, строительство кораблей, законы, наука – всё из её рук и под её покровительством.

Её именем названа столица Греции, ей посвящён Парфенон – храм Девы, главное святилище страны. Величественная скульптура Афины возвышалась на Акрополе её города, в честь богини устраивались Панафинейские игры.

Сценка её участия в исходе состязаний, устроенных Ахиллом при погребении Патрокла,

настолько выразительна в мельчайших подробностях кипящих страстей, что замени имена героев и богов – и можно помещать её в любой сегодняшней населённый пункт земли, где спортсмены соревнуются в беге.

Одиссей, Аякс и Антилох начали состязание по бегу.

*Первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс,*

но Одиссей не отставал

*...близко бежал, как у женщины ткущей
с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко
руками бросает,
Нить за уток пропуская,
и близко пред персями держит; –
Так Одиссей за Аяксом близко бежал;
беспрестанно
Следом в следы ударял он,
прежде чем прах с них ссыпался...*

И уже приближаясь к черте, Одиссей, видя, что не обойти Аякса, взмолился Афине: «Убыстри, милосердая, ноги!»

И, конечно же, услышала богиня, всю жизнь опекавшая героя. «Члены ему сотворила лёгкими, ноги и руки».

А для страховки, когда соперники были уже перед самой метой, «чтоб только им прыгнуть к награде», устроила так, что Аякс поскользнул-

ся на влажном бычьем помёте: *«...помётом наполнились ноздри и рот у Аякса».*

Одиссей получил награду за бег – серебряную шестимерную чашу, *«чудной своей красотой помрачавшую в целой Вселенной славные чаши».*

А соперник, выплевывая с досадой помёт; сказал: *«Дочь громовержца, друзья; повредила мне ноги, Афина! Вечно, как мать, она Одиссею на помощь приходит!»*

Но всё же Аяксу достался бык круторогий, а Антилоху, пришедшему третьим, полталанта золота.

Как в перенаселённой коммунальной квартире, божества враждовали друг с другом. Их мифологические биографии переполнены поступками, недостойными вершителей судеб мира, Вселенной и судьбы человека: они были капризны, ревнивы, изменчивы, непоследовательны...

Менялся и мир человека: приходило понимание – пока случайное, зыбкое понимание единства людей в их путешествии во времени и пространстве.

Прекрасный образец древнейшего вида искусства – глиптики (резьбы на цветных минералах) – гемма-печатка, вырезанная на поверхности тёмного сердолика. Нашли её при раскопках в Танаисе.

Сюжет легкоузнаваем: бородатый мужчина – Дедал, перед ним два крыла, он только что закончил работу.

Спасаясь с острова Крит, он изготовил для себя и сына Икара крылья, скрепив перья воском. Икар, увлечённый полётом, поднялся слишком близко к

солнцу, воск расплавился, и Икар погиб, упав в море.

Дедал построил храм в честь Аполлона, повесил в нём свои крылья и изобразил красками на стене историю полёта над морем.

Поражает размах мечты: её не назовешь ни дерзкой, ни фантастической – в ней трезвость и даже расчёт, как будто взлететь в небо человечество собралось уже при жизни мечтателей.

А может быть, и летали!

Сократ, современник мастера по эпохе, говорил: *«И если взглянуть на Землю сверху, мы увидим, что она похожа на мяч, пёстро и ярко расписанный разными цветами. В одном месте она пурпурная и дивно прекрасна, в другом – золотистая, в третьем – белая, белее снега и алебастра...»*

И даже самые её впадины, наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестротою красок, так что лик её представляется единым, целостным и вместе – нескончаемо разнообразным...»

Это было сказано за две с половиной тысячи лет до того, как первый космонавт одним взглядом окинул планету и увидел прекрасное хрупкое многоцветье её облика.

Танаис был основан в дальнем северо-восточном углу Меотиды – Азовского моря.

Многочисленные башни по периметру оборонительных стен делали город похожим со стороны моря на одnogорбых верблюдов, пришедших к водопою, а с

севера – на отряд тяжеловооружённых воинов, выстроенных к бою.

Из степи в город стекалось множество дорог – широких, просторных, казалось, рождённых самой степью: они разбивались о каменные стены и башни, втягивались через ворота в лабиринты кварталов, дробились в тесных улочках, площадях, проходах – будто солнечный луч в осколках зеркала.

И, преображённые чудом города, потоком каменных вымосток устремлялись к порту и реке.

Танаис имел все характерные черты античного города: регулярную планировку городских кварталов и оборонительных сооружений, греческий язык посвятельных стел, декретов и постановлений, выставленных на рыночной площади у входа в храм. Стелы изготавливались из мрамора или известняка в форме плиты, расширявшейся книзу. Часто украшались фронтоном, изображениями богов или растительным орнаментом. Текст на поверхности стел высекался сплошной строкой, без выделения заглавных букв, без разделения на слова и без знаков препинания.

Язык этих надписей полон достоинства – традиция эллинистической демократии, неискоренимой в течение столетий даже на далёких окраинах Ойкумены. Надписи посвящались богам по случаю торжественного события, достижения или удачи.

Таким образом, успех соотносился с тем или иным богом, подчёркивая их благорасположение к городу или к человеку.

«Богине Артемиде, владычице по обету, посвятил я, Парфенокл, сын Эрота, дав обещание и получив желаемое в 430 году...»

«Я, Трифон, сын Андромена, посвятил...»

«Богу Аполлону, дав обет, посвятил Антимах, сын Харитона, пресбевт...»

Часто в надписях сообщали о строительстве или ремонте башни, оборонительной стены за счёт богатого горожанина. Поощрение частной благотворительной деятельности было государственной политикой, облегчавшей бремя муниципальных расходов.

Такие надписи начинаются словами *«В добрый час...»*, далее упоминается имя царя и сообщается о событии и участниках: *«Я, Хофразм, сын Форгабака, на собственные средства восстановил ворота городу и купцам...»*

В другой повествуется о восстановлении стен: *«...разрушенные временем отстроив до основания, я, Трифон...»*

Ещё одна надпись: *«...устроив на собственные средства рыночную площадь, восстановил её для города и для купцов попечением эпимелетов: Зенона, сына Фанна... Фарноксарфа, сына Таврея...»*

Праздник реки Танаис был, по-видимому, важнейшим событием в жизни города. Из текста следует, что он отмечался в 89-й раз – значит, праздник имел свои традиции, символы, обряды. Праздник был общегородским: для его организации создавался своего рода общественный комитет высших должностных лиц, определявших программу и порядок его проведения.

Праздник – это вырвавшаяся на волю повседневность. Пространство праздника наиболее открыто, демократично, по коммуникативности оно несравнимо ни с рынком, ни с храмом. Участие в празднике – это приобщение к обычаям, которые внешне могут показаться чужими, но в захватывающем массовом действе праздника – игры, костюмов, музыки, ритма – сюжеты оказываются в первооснове знакомыми, общими, как будто сама атмосфера праздника пробуждает дремлющую глубинную память.

В событии участвовали представители всех религий, ведь в образе Бога Высочайшего, изображённого на стеле, отразились черты и эллинских, и скифо-сарматских, и иудейских представлений...

Такая же этническая пестрота греческих, римских, иранских, фракийских, семитских имён – и в надписях Танаиса.

Уже античные авторы выделяли жителей города в особую группу танаитов.

Чуть-чуть отступим от темы, задавшись вопросом: почему на стеле верховное божество на коне?

Всадник – древнейшая мифологическая традиция представления о высшем существе.

Вначале конь символизирует солнце, облака, ветер – так было в индийских, скандинавских, славянских, греческих и других мифах. Затем конь – символ мира и вечности. Жертвоприношение коня в скифских и славянских погребальных обрядах – это не просто способ облегчить соплеменнику путешествия на том свете. Мир в образе коня остаётся с погребённым, и для него ход времени не прерывается, но становится иным, не дискретным...

В Ветхом завете конные упряжки Бога – не однажды встречающийся образ.

Небесные силы уподобляются коню или колеснице – огненные кони и колесница Илии и четыре апокалиптических всадника: *«Я взглянул, и вот конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан ему венец; и вышел он как победоносный и чтобы победить»*.

Пророк Иезекиль видит славу Господню на троне – колеснице с колёсами-херувимами: *«и колёса кругом были полны очей»*.

Праздник христиан «Вход Господень в Иерусалим»...

Весна...

Предместье великого города, куда пешком направляется Иисус с учениками. Господь посылает двух учеников: пойдите в селение напротив, найдите привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился, отвяжите его и приведите. И когда привели и возложили на него одежды, Иисус сел на него и торжественно въехал в Иерусалим – важнейший, завершающий аккорд великой миссии Христа. И люди срезали ветки с деревьев, устилая дорогу божественному всаднику.

Верховный Бог на коне перед алтарём встречается не только в Танаисе, но и на других памятниках Боспора: он давал могущество, силу и уверенность властям и горожанам. Его имя никогда не называлось в надписях, но наделялось эпитетами: «высочайший», «благословенный», «всемогущий».

Медленно, но неотвратимо культ единого Бога, вбирая в себя обрядовые фрагменты тускнеющих

культов, принципиально изменял содержание взаимоотношений человека с высшей силой. Рождалось христианство с его захватывающей идеей личного, праведного Бога, личного спасения, небесного блаженства, исключительной значимости человеческой судьбы...

«Вы соль земли, вы свет мира», – эти слова уже были произнесены, к ним прислушивались...

Каким был этот первый народный праздник на территории нашей страны?

Праздник, имеющий точную дату, а главное – столь символический документ – мраморную стелу. Жертвоприношения, шествия, игры, состязания имели универсальный характер, общий для всего античного мира, до самых окраин, хотя, конечно же, в деталях они могли иметь различия, порой весьма существенные.

Как и сегодня, вставала из мрака с перстами пурпурными Эос...

Богиня оглядывала просыпающийся юный мир – доверчивый, жестокий, суетливый, бестолковый, добрый – младенческий мир с его пока бессознательным пониманием чуда бытия...

Богиня распахивала ворота золотых чертогов светоносного Гелиоса, и бог солнца выкатывал колесницу, начиная свой путь по медному своду небес, чтобы сиять

*...для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей,
на земле плодоносной живущих...*

По греческим традициям праздник начинался с религиозных обрядов – жертвоприношений. Огонь на алтаре – тому свидетельство.

Затем торжественная процессия из храма направляется к южным воротам. В центре шествия танаиты несут небольшой корабль – уменьшенную копию торгового судна. Он установлен на длинные вёсла, снятые с военных триер, концы вёсел держат на плечах самые крепкие из мужчин.

На мачте корабля красочный парус с изображением божества реки Танаис – его выткали танаитки в одном из храмов города. За воротами к шествию присоединяются жители округи Танаиса. Их поселения тянутся вверх по реке вдоль её правого берега. Им тоже необходимо снискать милость божества на следующий год.

У реки корабль опускают на прибрежный песок кормой на воду, прилаживают сходни к обоим бортам и широким деревянным настилом соединяют их на самом корабле. Под благодарственные молитвы жрецов корабль загружают дарами.

Вначале поднимают общественные дары: амфоры с вином и зерном, корзины с сушёной рыбой, овощами и фруктами. Двое гребцов осторожно укладывают дары внутри корабля, прислоняя амфоры к бортам, а корзины устанавливая в проходе между ними.

Корабль заполнен. Теперь дары могут принести те, кто хотел бы получить покровительство божества в каком-то личном деле. Конечно, с просьбой можно обратиться к богу и в храме, но нет лучшего времени для этого, чем праздник.

Поднимаются на борт горожане. Кто побогаче – бросает в загруженный корабль золотой статер с изображением на лицевой стороне боспорского царя, «друга цезаря и друга римлян», а на обратной – профиля римского цезаря. Или пиксиду – круглую костяную коробочку с драгоценностями.

Кто победнее, роняет в трюм медный обол или драхму...

Ох, как необходимо для горожан внимание божества, чтобы провести свои корабли с товаром через Меотиду и Понт, не столкнувшись с бурей, стирающей границы неба и моря. А уж если придётся попасть в её жестокие объятия, чтобы удержал бог парус на рее, а в креплениях – рулевые вёсла...

И чуть подумав, задержавшись на сходнях, прибавит танаит к жертвенному дару нитку бус-оберегов из хрусталя, янтаря и цветных камней – напомнить всевышнему убереечь корабли от пиратов.

Горожанин-ремесленник несёт на корабль серебряный туалетный флакон или изящный стеклянный бальзамарий. В них благовония. Разглядит ли бог золото и медь среди обилия приношений, но запах заморских душистых даров почует он обязательно. А что до награды – нужны ремесленнику здоровье, твёрдость руки и мир в городе и округе. Ставит мастер драгоценные сосуды поближе к терракотовому алтарю на корме: безопаснее в пути.

Приносят свои дары и осмотрительные селяне.

Селянин беднее горожанина, живёт не торговлей – землёй. Кладёт он между плетёными корзинами круглые свежее испеченные хлебцы. Прежде чем поставить их в печь, хозяин принёс хлеб в храм, где за

небольшую плату жрец оттеснил на сыром тесте глиняным штампом-пинтадером сакральный священный орнамент: письмена бога, смысл которых внятны лишь жрецам и пророкам.

Лёгким ударом ноги посылает коня на корабль всадник-степняк. Несмотря на жару, одет он в кожаный кафтан и штаны, за широким поясом акинак – короткий меч, к седлу приторочен горит с луком и стрелами. Богат и самонадеян всадник, конь ему послушен – но не как слуга или раб, а так, будто он с хозяином одно целое.

Небрежно, медленно вытаскивает степняк из мешка уздечку и серебряную чашу. Золотыми фаларами закреплены кожаные перекрестья уздечки, рельефный орнамент украшает поверхность чаши...

Но уже не разглядеть – бросает степняк свои дары в трюм на амфоры с вином.

Прими, всевышний!

Разве не управляешь ты миром, сидя на коне? Тому свидетельство – чудо движения солнца. Прими – взнуздать своих огненных коней.

И разве не вино кружит тебе голову. и не твоим весельем после этого вскипают волны Меотиды и Танаиса? Пей вино из серебряной чаши и пошли прибавленье в стадах моих и удачу в набеге...

Последним на корабль поднимается жрец, окропляет кровью принесённого в жертву барана терракотный алтарь на корме и произносит последние молитвы...

Остаются на корабле двое гребцов, рулевыми вёслами с кормы направляют судно в фарватер и по течению медленно движутся к заливу.

Шествие горожан сопровождает корабль по берегу. На стыке реки и моря гребцы бросают каменный якорь в воду, останавливая корабль.

Гребцы открывают люки в днище и вплавь добираются к берегу. А корабль с дарами погружается в воду.

Вдруг парус наполнился лёгким ветром, лик бога с него оглядел пространство и исчез в солнечном блеске мелких волн...

Медленными кругами парит над опустевшей поверхностью реки и моря степной коршун.

Благоприятный знак!

Жертва принята, город и округа будут жить спокойно...

Праздник продолжался танаисскими агонами – спортивными играми. Скорее всего, они проходили на территории, прилегающей к городу с запада.

На высоком морском берегу здесь протянулись загородные усадьбы, припортовые сооружения, севернее, в степь – некрополь: во всём античном мире предки – неперенные заочные участники празднеств и игр.

Виды состязаний вряд ли отличались от тех, что были приняты в городах Греции и Боспора. Но всё же, как сказали бы сегодня, приоритетными были стрельба из лука, метание копья, бег, конные состязания.

Ведь каждый гражданин Танаиса должен уметь быть готовым в случае опасности поразить врага с высоты оборонительных стен стрелой или копьём, в полном вооружении преследовать его или сразиться в конной стычке.

Без тренировок и всесторонней закалки защитить город было бы трудно, тем более что помощь в случае опасности подоспеет нескоро: города Боспора друг от друга отделяли сравнительно большие расстояния, а чтобы перебросить морским путём воинов из Пантикапея или Горгииппии, требовалось время.

Праздник реки – значит, обязательны и состязания кораблей. Их можно было наблюдать с высоты юго-западной башни и стен: с запада береговая линия дугой подходила к городу, образуя перед устьями двух рек, впадающих в море, обширную бухту – удобные места для старта кораблей.

Пока не найдено в Танаисе агонистических каталогов победителей. Но они обнаружены в других городах Боспорского царства, составлявших вместе с Танаисом единое экономическое и культурное пространство.

Завершались празднества театральными постановками.

Во все времена у всех народов театр – это форма сохранения коллективной памяти. Он может быть религиозным действием или спортивным состязанием, а спорт, бесспорно, самый массовый вариант театрального спектакля.

По-видимому, открытие археологами театра в Танаисе – дело ближайшего будущего. Основания для этого есть: при раскопках уже обнаружены терракотовые куклы-марионетки, театральные маски персонажей культовых мистерий.

Актёр без маски не мог изображать богов – такое перевоплощение могло обидеть олимпийцев и навлечь неприятности не только на лицедея, но и на зрителей.

Рискну предположить, что темами театра были сюжеты народной культуры, отражающие общие представления о мире: кто мы? откуда? куда идем? – вечные ответы на вечные вопросы.

Мы не можем расшифровать их сюжеты в памятниках археологии, хотя из гипотез об их содержании можно составить библиотеку.

То, что сохранила письменная память античности – в сущности, островок в океане народной культуры.

Культуры, насыщенной ритуалами, верованиями, магией, обрядами – чрезвычайно сложной духовной жизни.

Не может быть иначе. Тому свидетельство – удивительная яркость, индивидуальность, сюжетная завершенность легенд и мифов степей.

Даже в пересказе Геродота, невольно «эллинизировавшего» факты, отождествлявшего скифских богов с соответствующими им олимпийцами, чувствуется глубинный фольклорный исток сюжетов и образов. Они обкатывались народной культурой не одно столетие.

При отсутствии письменности только театр, религия, праздник, зрелище, спортивные состязания – составлявшие в древности единое целое, могли сохранить, довести до совершенства то, что услышал и записал Отец истории в степях Северного Причерноморья.

ЭПИЛОГ

Античность возвращалась в Россию теми же путями, что и в Западную Европу, – была прямая территориальная преемственность через южные города – сохранившиеся, как, например, Херсонес; исчезнувшие, но не забытые в летописных хрониках, как Танаис, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия...

Преемственность была во всём: в алфавите, в архитектуре, в религии, в философии, в символах...

Возвращалась она и через широкую дверь Византии. А когда она захлопнулась завоеваниями турок – через *«окно в Европу»*, вначале узкое, как форточка, но с реформами Петра ставшее уже просторной, как Невский проспект, магистралью...

Митрополит Климент Смолятич (середина XII века) в полемическом послании смоленскому священнику Фоме, укоряя его в невежестве, призывает его – помимо Священного Писания – изучать античную философию, знать Гомера, Аристотеля и Платона, *«которые среди греческих столпов славнейшими были»*.

Россия вступала в наследство как принцесса из сказки, бродившая по королевству, заснувшего на шестьсот столетий. Всё в нем было прекрасно и чудесно, но как оживить этот забытый мир?

Здесь, пользуясь археологическими терминами, чётко можно выделить два культурных слоя.

Один – народный, архаичный, глубинный: между Ахиллом и былинным Ильей Муромцем прямая связь; кентавры, амазонки и, вообще, герои и чудовища греческих мифов под другими именами переселяются

в славянскую мифологию и фольклор, в архитектурный декор первых христианских храмов.

Да и проявления народной смеховой культуры – шутовские выступления скоморохов, балаганные представления на ярмарках – даже по форме соответствуют античным традициям.

С той лишь разницей, что в античности такие празднества были частью общей идеологии, где личность и государство выступали на одной сцене.

На Руси же поклонение природным стихиям и «*мятежные бесовские действия*» были противопоставлены идеологии церкви и государства.

Второй слой – менее широкий и более зыбкий, но столь же яркий, в нём больше амбициозных попыток обосновать исключительную роль страны в европейской политике и найти символы для сменяющихся общественных идеалов.

И здесь без примерки римских тог и греческих хламид не обошлось. При великом князе Иване III была выработана формула «*Москва – третий Рим*», а его внук Иван Грозный требовал от европейских монархов признания его происхождения от римского императора Августа. Русский титул «царь» – производное от имени Цезарь, бывшего нарицательным наименованием римских императоров.

Пётр I называет новую столицу страны Санкт-Петербургом и строит на болотах Северную Пальмиру по античным лекалам; а титул «император», принятый монархом в 1721 году, также уходит корнями в античный Рим.

Собираются, приобретаются античные памятники. Интерес к античной культуре растёт стремительно.

Пётр Андреевич Толстой, ближайший сподвижник Петра I, в описании своего путешествия по Европе вскользь, равнодушно пишет о спорах – есть или нет в Венеции *«мощи все целыя евангелиста Марка»*, но перед *«божницей поганского бога»*, построенной при *«проклятом мучителе Нероне»*, своего восхищения не сдерживает: *«правдивой и удивления достойной работы было то дело, и какую живность изображены те поганских богов образы – о том подлинно описать не могу»*.

Иногда античность проявлялась в неожиданных, парадоксальных, но вполне научных для того времени объяснениях.

Например, в россыпях мамонтовых костей на палеолитических стоянках Верхнего Дона видели доказательство танаисского маршрута войск Александра Македонского, боевые слоны которого увязли в скифских болотах...

Екатерина II на постаменте Медного всадника высекает латинскую надпись: *«Petro primo – Catharina secunda»* («Петру Первому – Екатерина Вторая»).

Своим мифологическим амплуа императрица избирает Минерву-Афину.

Античная богиня – воплощение мудрости и справедливости (София – «мудрость» – имя Екатерины до крещения в православии).

Аллегорическая связь правительницы страны с Минервой и воинственными амазонками тщательно разрабатывается в тогдашних литературном и изобразительных жанрах, в праздничных торжествах...

Для коронационных мероприятий в Москве на масляной неделе 1763 года руководитель театра Фёдор

Волков и драматург Михаил Херасков пишут сценарий маскарада «Торжествующая Минерва». На парадных портретах Екатерину представляют как античную богиню со всеми атрибутами и символами.

На обширной территории причерноморского побережья и Крыма, завоёванных у турок, создаются новые города и крепости. Которым, с лёгкостью – или присваиваются эллинистические наименования. Или возвращаются по античным источникам: Фанагория, Евпатория, Севастополь, Одесса, Тирасполь, Мариуполь, Григориополь.

Мир с Турцией отмечается выпуском золотых и серебряных жетонов с изображением лавровых и пальмовых ветвей, а между ними – кадуцея, посоха Меркурия... Его изображают даже на российских флагах, отмечая, что *«Меркуриев жезл означает защищённую торговлю»*...

В 1766 году *«для охотников бегать на лошадях»* на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге был обустроен первый в России временный ипподром. Здесь *«кавалерственные мужчины»* демонстрировали фигурную езду, бой в конном строю, а придворные дамы приняли участие в беге парадных экипажей...

Связь с древней Олимпией уже тогда выразилась выпуском именных медалей с изображением богини реки Невы и с надписью *«С Алфеевых на Невские берега»*.

Ими награждались победители соревнований.

Михаил Васильевич Ломоносов во вступлении к книге *«Древняя Российская история»* с гордостью

напишет: «...всяк, кто увидит в Российских преданиях равные дела и Героев, Греческим и Римским подобным, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих Героев в полной славе предали вечности».

Одним из главных положений ломоносовского проекта Московского университета было следующее: *«При университете необходимо должна быть гимназия, без которой университет как пашня без семян».*

И вслед за общим проектом Ломоносов готовит обстоятельный «Регламент московских гимназий». Среди разнообразных дисциплин в «Регламенте» перечислены изучение латыни, истории, мифологии, а также *«первые основания греческого языка».*

С конца XVIII века античность стала интеллектуальной повседневностью в образованном обществе России. Отдельными частями переводятся поэмы Гомера.

С поэзией Гавриила Романовича Державина и Александра Сергеевича Пушкина боги Олимпа уже свободно заговорили на русском языке. И когда вышел полный перевод «Илиады», выполненный Николаем Ивановичем Гнедичем, Пушкин откликнулся стихами:

*С Гомером долго ты соседствовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошёл с торжественных вершин,
И вынес нам свои скрижали...*

Что же касается олимпийской идеи и Игр в Олимпии, о них хорошо знали уже в Древней Руси. Вот

фрагмент из русских списков болгарского перевода сочинений греческого философа Дионисия Ареопагита, где рассказывается об Олимпии как месте состязаний.

Рукой русского переписчика к Олимпии даётся подробный комментарий: *«Город Олимпия место состязаний. Олимпиады называют пять видов состязаний. Первое – бой кулаками! Второе – борьба! Третье – бегать и ездить на колесницах! Четвёртое – прыгать! Пятое метать камни! И это было как праздник каждого пятого года, когда из всех стран собиралось множество людей и устраивали игры. И кто побеждал, принимал венок победы. Один венок из листьев масляных, что растут в роще неподалёку...»*

Очень важно, что название «Олимпиады» стоит в рукописи во множественном числе, чем ещё раз подчёркивается их повторяемость. Безвестный русский комментатор подчеркнул, что Олимпиады были праздником для людей многих стран...

В XIX века в России трудами учёных Ивана Михайловича Сеченова, Петра Францевича Лесгафта было положено начало научной теории физического воспитания.

Простая мысль – о том, что природа человеческого организма составляет единое целое с окружающей средой, что физические упражнения оказывают влияние не только на отдельные группы мышц, на функционирование внутренних органов человека, но и на его душевные процессы – прививалась медленно, но неотвратимо.

Конец XIX - начало XX века...

Как всегда в истории, рубеж веков то ли случайно, то ли по какой-то закономерности был отмечен событиями, определившими судьбу новой эпохи. Незамечаемые, они приоткрывали двери века: изобретение радио, первый автомобиль, хрупкие этажерки-самолёты, открытие свойств радия...

Их не узнавали, порой и не пускали перешагнуть порог...

Аттракцион, увлечения чудаков, любительские занятия, цирковые фокусы – маскарадные одеяния событий, определивших у истоков облик XX века.

Спорт тоже шёл по разряду цирка, и границу двух веков переступил так же – неузнанным.

Первые Олимпиады неуверенно и ненадёжно едва обозначили перспективы мирового спорта.

Но масштаб олимпийской идеи впечатлял: народы соревнуются на стадионах, а не на полях сражений!

Росток надежды, привитый к дереву цивилизации в далёкой Олимпии три тысячи лет назад, – войны невозможны, когда соревнуются народы, – вдохновлял, хотя казался для многих наивным, нежизнеспособным.

Поэтому, наверное, первые спортсмены были насквозь романтиками и идеалистами.

В России начало нового века отмечено поиском организационных форм для стремительно появляющихся по всей стране спортивных обществ, клубов, кружков. Восстанавливаются древнейшие виды состязаний – плавание, бег, гребля, парусные гонки, борьба, бокс...

Появляются новые – хоккей, велосипедные гонки...

Разрабатываются правила, уставы.

Это время истоков спортивного движения удивляет яркостью и убеждённой личностей, начавших раскручивать тяжёлый маховик общественного мнения и государственного признания.

Их энтузиазм казался излишним, не ко времени на фоне столь значительных внешнеполитических событий, внутреннего переустройства страны. Чиновников они раздражали казавшейся мелочностью своих забот и предложений; у публики же их деяния больше ассоциировались с развлечением или, в лучшем случае, с цирком.

Народ жаждал масштабных перемен, интеллигенция бредила революцией, власть во всём подозревала поползновения на основы, и, как всегда, выход усматривался в том, чтобы всё оставить как было...

И вот среди калейдоскопа мрачных предчувствий, апокалиптических пророчеств, крестьянских движений, революционного террора прорастает и крепнет странная идея о возрождении спортивных состязаний.

Способных не только вернуть человечество к миру, но и помочь личности обрести первоначальную цельность, что определяла высший смысл бытия – гармонию с природой и с самим собой.

Олимпийские игры – редчайший случай в истории, когда социальная идея реализовалась в законченной форме.

Причём в столь совершенной, что, по-видимому, перспективы развития современного спорта ещё надолго будут связаны с возрождением забытых тра-

диций олимпизма, обычаев народной физической культуры.

Более ста лет назад мир возродил Олимпийские игры. То, что составляло вдохновение и жизнь многих поколений – казалось обесцвеченным гербарием, было затиснуто меж бесконечных страниц прошлого...

XIX век открыл эти страницы и увидел полные жизни цветущие ветви...

И они прижились, как та ветвь священной оливы, принесённая Гераклом с земли гиперборейцев в Олимпию.

Исчерпана ли эта сокровищница?

Уверен – нет.

Сто лет – а идея олимпизма по-прежнему на вырост миру, как будто мы за две с половиной тысячи лет от первых Олимпиад так и не смогли стать вровень с их идеей – и по содержанию, и по форме.

Греки умели останавливать войны на время состязаний, а простая оливковая ветвь из рожи Алфея воспринималась олимпиониками как божественная награда...

Греки сумели не только теоретически обосновать принципы красоты и гармонии, но и связать эти понятия с реальными качествами своих современников и, самое важное, найти ярчайшие формы проявления этих принципов: Олимпийские, Истмийские, Панафинейские, Немейские игры...

Ни древняя, ни новая история не знали такого масштаба общественных явлений – весь социальный

спектр времени отразился в них: политика, историография, религия, философия, искусство, наука...

Более того, многие черты повседневности часто определялись задачами Игр.

Такие масштабы пока недоступны современным Олимпиадам...

Мы три тысячелетия живём в мире, пронизанном греческой идеей. Наверное, и будущее будет обращаться к этому феномену, перенося из прошлого в настоящее идеи красоты, бескорыстия, благоговейного отношения к жизни.

Существует множество теорий и гипотез, объясняющих феномен Олимпиад – обычно на уровне предположения.

Может быть, всё дело в особенности религиозного культа, в возвышенном, жизнеутверждающем оптимизме обрядов – качество, отличающее религию Греции от предшествовавших ей религий, да и последующих тоже. Возможно, всё дело в озарении, в понимании, что сущность человеческих отношений с миром – это диалог.

Как два зеркала, обращённые друг к другу, в пространстве диалога человек многократно отражается в другом человеке, и сам, в свою очередь, отражает его столь же многократно...

И тогда возникает почти религиозное ощущение бесконечности пространства, будь то пространство веры, науки или любви...

Но диалог не может быть обращён к безмолвию неба, бездны, тьмы, тайны рождения и смерти.

И тогда человек отделяет «свет от тьмы» и заселяет безмолвие богами, героями – это свет; зооморфными и антропоморфными чудищами – это тьма; учит их языку и ведёт с ними диалог по всему кругу повседневных и вечных вопросов...

В мифологизации окружающего мира, собственных противоречий и исканий – неувядаемая новизна и обаяние, неиссякаемый источник искусства. Не перебрать эпитетов для характеристики наивно-ребяческой радости жизни, удивления, размышления, восхищения миром – так характерных для античной эпохи.

Отсюда оптимизм и осознание жизни как праздника красоты и силы, агональный смысл жизни, который сегодня мы можем чаще видеть в игровых импровизациях детей.

Мирная состязательность за столетия, предшествовавшие эпосу Гомера, сформировалась в систему священных обрядов, видов игр, ритуалов, отличавшихся, в принципе, в разных районах Ойкумены лишь именами богов, которым они посвящались.

Удивительное и, в общем-то, редкое для истории цивилизации чувство оптимизма.

Наверное, ближе всего к объяснению те историки и философы, которые определяют греческий период европейской культуры как греческое чудо...

Этим чудом пронизаны и светлая архитектура, и живопись, и литература, и философия с её кредо: *«Познай самого себя!»*

Как будто загадку бытия далёкая эпоха определила раз и навсегда: она в тайне человека, ибо человек есть мера всех вещей...

И будем помнить, что Юг России – тот регион планеты, который одним из первых соприкоснулся с этим чудом.

*

СЛОВАРЬ:

Агонистика – борьба – система спортивных, музыкальных, поэтических, философских состязаний.

Агора – название народного собрания, а также места, где оно происходило.

Анаксимандр – древнегреческий философ.

Апейрон – понятие древнегреческой философии – неопределённое, беспредельное первовещество.

Аттика – юго-восточная область Средней Греции.

Гераклит – древнегреческий философ-материалист.

Герма – четырёхгранный столб с головой божества, первоначально – Гермеса.

Герод Аттик – древнегреческий оратор, софист и меценат.

Дельфийский оракул – «прорицалище» при храме Аполлона в Дельфах.

Дорический стиль – древнейший в греческой архитектуре.

Кастальский ключ – родник на горе Парнас, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам.

Квадрига – античная колесница на двух колёсах с четвёркой лошадей, возница управлял стоя.

Кессон – ограждающая конструкция в виде бетонной или стальной камеры для работы под водой.

Кифара – разновидность лиры.

Куль-Оба – курган скифского вождя IV века до н. э., близ Керчи.

Лапидарные надписи – шрифт, состоящий из одних заглавных букв древнего начертания. Ныне – что-то краткое, но выразительное.

Лапифы – полумифическое племя.

Лекиф – керамический сосуд для туалетного масла.

Леонидаيون (по имени архитектора Леонида) – гостиница для именитых посетителей.

Ливенцовская крепость – самая древняя в Восточной Европе. XVII век до н. э. Её называют Донской Троей, но она на несколько сотен лет старше.

Лисипп – древнегреческий скульптор, придворный художник Александра Македонского.

Меандр – орнамент в виде непрерывной кривой или ломаной линий.

Меотида – Азовское море, дельта Танаиса-Дона.

Метроон – хранилище официальных актов – по имени Матери богов Деметры.

Нимфей – святилище нимф, стена с нишами и фонтанами.

Номады – кочевники.

Олимпионик – победитель (Олимпия + имя богини победы Ники).

Ольвия – древнегреческий город на правом берегу Буга.

Ойхалия – древнегреческий город.

Палестра – круглая площадка для занятий спортом.

Пальметта – орнамент в виде гирлянды.

Перипатос – крытая галерея, место для прогулок.
Пирей – древнегреческий город
Плектр – приспособление для игры на некоторых струнных инструментах.
Плиний Старший, Гай – древнеримский римский писатель, учёный и государственный деятель.
«Пять братьев» – курганная группа в Елизаветовском могильнике – самое богатое на Юге России скифское царское захоронение.
Рапсод – странствующий певец-сказитель.
Смола-стиракта – смолянистые выделения из надрезов в коре деревьев (смирна, ладан).
Статер – весовая, а затем денежная единица Древней Греции.
Страбон – древнегреческий географ и историк.
Стригиль – скребок для очищения кожи от грязи.
Тении – повязки для волос.
Тихэ – богиня судьбы и благоденствия.
Триера – древнегреческое судно.
Фалес – древнегреческий философ и математик.
Фиал – плоская и широкая чаша
Фибула – застёжка для одежды.
Фимиама – ароматическая смола.
Фриз – длинная полоса на фасаде здания.
Фронтон – треугольное украшение на верху здания на фасаде.
Херсонес – античный город на окраине Севастополя.
Экседра – полукруглая ниша со скамьями для собраний.
Эпимелеты – распорядители общественных работ, выбиравшиеся из почётных граждан.
Эфеб – совершеннолетний.